

ЭКОНОМИКА

Владимир Александрович ДАВЫДЕНКО¹

Дарья Васильевна ЛАЗУТИНА²

Елена Сергеевна КОРЧЕМКИНА³

УДК 336.018

ДЕНЬГИ КАК СОЦИАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ¹

¹ доктор социологических наук, профессор,
начальник Научно-исследовательского центра
Финансово-экономического института,
Тюменский государственный университет
vlad_davidenko@mail.ru

² кандидат экономических наук, доцент,
директор Финансово-экономического института,
Тюменский государственный университет
72ldv@mail.ru

³ кандидат экономических наук, доцент,
заведующая кафедрой финансов,
денежного обращения и кредита,
Тюменский государственный университет
dozlen@mail.ru

Аннотация

В статье сделана попытка представить деньги (money) с точки зрения терминов социальной реальности (social reality), жизненного мира (life-world), повседневного мира

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 16-03-00500, Тюменский государственный университет.

Цитирование: Давыденко В. А. Деньги как социальная реальность / В. А. Давыденко, Д. В. Лазутина, Е. С. Корчемкина // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Том 2, № 3. С. 169-213.
DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-3-169-213

(everyday world) в рамках сопряженных понятийно-категориальных схем «денежной силы» Т. Веблена, «понимающей социологии» М. Вебера, «интерсубъективности жизненного мира» А. Шютца и «дискреционных временных горизонтов» Е. Жаке. Научная новизна статьи состоит в том, что изучаемая социальная реальность сквозь «призму денег» рассматривается в русле феноменологической методологии «жизненных миров» индивида и его референтных групп как совокупности «возможных или действительных горизонтов опыта человеческой жизни» (Э. Гуссерль), при этом деньги, укореняемые в сознании человека и в его индивидуальном мире, выступают в виде различных инструментов эквивалентного обмена ликвидными ресурсами, необходимыми для жизнеобеспечения в рыночной экономике. Поэтому они обладают уникальной ценностью. Эмпирические верификации восприятия денег как «повседневного мира» в социальной реальности даны с точки зрения анализа доходов, расходов и потребления домашних хозяйств различных статусных (децильных и квинтильных) групп на базе квартальных обследований 48 600 домохозяйств (2002-2016 гг.), проводимого Росстатом, и на основе репрезентативного панельного исследования RLMS-HSE (1994-2014 гг.) по признакам социоэкономического статуса (образование, доход, профессия), а также других данных Росстата. Проведен анализ восприятия денег как социальной реальности различными социальными группами в периоды социальной политики выживания (1991-1999 гг.), наращивания ресурсной базы и быстрого экономического роста (2000-2013 гг.), начала длинного экономического кризиса 2014 г., длящегося по настоящее время (2016 г.), а также дан прогноз до 2018 г.

Ключевые слова

Деньги, социальная реальность, жизненный мир, дискреционные временные горизонты.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-3-169-213

Введение

Экономисты и социологи в научных статьях, монографиях, средствах массовой информации представили убедительные доказательства того, как изменились уровень и качество жизни, денежная и имущественная обеспеченность населения за четверть века постсоветского развития (1991-2016 гг.). Цель, которую авторы преследуют в данной статье, заключается в том, чтобы предложить целостную интерпретацию пройденной траектории с позиций восприятия денег как социальной реальности (realite social) различными статусными группами в России с точек зрения экономической социологии и экономики финансов в контексте культурно-исторического подхода.

Научная проблема, обсуждению которой посвящена статья, состоит в том, что к настоящему времени (2016 г.) в России, по мнению авторов, происходит архаизация самой сердцевины структуры государственной власти, денег и социетального порядка, в основе которых находится политическая культура, присущая элите общества, помогающая ей вырабатывать идеологически нагруженные, особые смыслы, формировать и воплощать в жизнь парадигмы финансово-денежной, инвестиционной и промышленной политики. Весьма

актуально (в особенности для всех нижних социальных групп) прозвучали афористические слова Дмитрия Медведева, адресованные крымчанке, пожаловавшейся на низкую пенсию в 8 тыс. руб. в месяц: «Денег нет. Но вы там держитесь, всего вам доброго, хорошего настроения и здоровья» [10]. Понять, что с деньгами происходит, и что за этим стоит — одна из задач данной статьи.

Теоретическая и практическая актуальность статьи обусловлена тем, что сегодня наблюдается очевидное фундаментальное противоречие: с одной — для того, чтобы общество относительно хорошо себя чувствовало и эффективно работало, нужно, чтобы эффективно работали деньги, создавая экономические стимулы для различных групп населения, с другой — видны масштабные процессы неэффективной инвестиционной деятельности и отсутствие «длинных денег» в экономике, наличие которых является, как известно, главным признаком роста. Бизнес в России не столько вкладывает, сколько «прячет» свои деньги. В настоящее время в нашей стране основными стали так называемые долговые модели денег, суть которых заключается в том, что кредиты под развитие бизнеса из банковской системы даются в основном «своим людям», которые их затем не возвращают. Это — бич не только крупных фирм, которые при помощи административного ресурса получают любые кредиты, когда крупные чиновники оказывают мощное институциональное давление на свои банки. Так и влиятельные владельцы бизнесов изымают свои деньги из банковской системы, и, с точки зрения общественного блага, тратят их непродуктивно. Долговые модели денег — это очень неэффективное в социальной российской реальности воспроизводство хозяйственного и финансово-денежного поведения людей, принимающих ключевые решения в высших эшелонах власти и устойчиво, своеобразно влияющих на контуры будущей политики, которое можно объяснить лишь в терминах исторически обусловленной эволюции пройденного пути (path dependence). При анализе наиболее одиозных случаев современной денежной реальности (к примеру, явления «панамских офшоров») создается иллюзия, будто деньги представляют собой столь значимую ценность, которой оправдываются любые аморальные, антигуманные, антиобщественные средства.

Обзор научной литературы: концепции денег в различных контекстах

В восприятии денег научными представителями как финансовой экономики (financial economics), так и экономической социологии (economic sociology) содержится парадокс: с одной стороны, деньги считаются центральным элементом экономики и современного общества, с другой — они по-прежнему остаются сравнительно слабо исследованной научной категорией с точки зрения денег как феномена повседневности — понятия для обозначения целостной социокультурной реальности денег, рассматриваемой в качестве естественной предпосылки всякого человеческого знания и действия.

В финансово-денежной экономике достаточно глубоко и подробно изучаются механизмы функционирования публичных, корпоративных и личных финансов, современные технологии и процедуры формирования и использования государственных ресурсов, расчеты балансов доходов и расходов, методы де-

нежного контроля, структуры капитала, портфельные теории, теории ценообразования финансовых активов, теории арбитражного ценообразования, опционов, поведенческих финансов и другие, основанные Ф. Блэком, Г. Марковицем, Р. Мертоном, М. Миллером, Ф. Модильяни, О. Моргенштерном, Джон фон Нейманом, Дж. Тобином, Ю. Фамой, У. Шарпом и другими классиками научного направления теории финансов. Вместе с тем, на взгляд авторов данной статьи, деньгам не уделяется должного внимания в том смысле, что в современных теориях финансовой (денежной) экономики достаточно мало говорится о деньгах как о социальной реальности (*realite social*), если использовать выражение Ф. Симиана [34]. Имеется в виду такая «социальная реальность денег», которая воплощена (встроена, укоренена — *embeddedness*) в практических формах экономического действия, которые весьма устойчивы, инвариантны и доступны измерению в денежной форме.

Авторами сделана попытка усилить, расширить и углубить парадигму «социальной реальности денег», опираясь на интеграцию содержаний и смыслов понятийно-категориальных схем «денежной силы» Т. Веблена [5], «понимающей социологии» М. Вебера [6], «интерсубъективности жизненного мира» А. Шютца [30], «дискреционных временных горизонтов» Е. Жаке [33], представив деньги (*money*) с точки зрения жизненного и повседневного миров (*life-world and everyday worlds*). Деньги как средство опосредованного обмена (*in direct exchange*) используются для платежей в качестве некоего стандарта, они универсальны (*all-purpose*), и, обладая покупательной способностью в руках их владельцев, имея единую грамматику, согласно К. Полани, демонстрируют яркое сходство как с языком, так и с письменностью, имеют сложный свод правил использования символов [20, с. 159] и потому встроены в любую человеческую жизнь самым непосредственным образом.

Ключевая теоретическая и практическая проблема состоит в том, что деньги как специфический дефицитный товар максимальной ликвидности и как квинтэссенция всего экономического составляют финансовую основу воспроизводства и развития общества, и для того, чтобы страна хорошо жила и эффективно работала, нужно, чтобы деньги тоже работали более-менее прозрачно и ясно, создавая достаточно сильные экономические стимулы для различных социальных групп. Если этого не наблюдается, то возникают проблемы общественного развития. Как доказал Ю. Хабермас на примере «двойственной конструкции общества», связывающей парадигмы «системы действий» (или просто «системы») и «жизненного мира», в любой цивилизации имеет место «патологическое воздействие» системы действий в виде денег и власти, характерной для государства, на все структуры и формы человеческого действия, включая структуры жизненного мира [25, 26, 27].

Авторы исходят из предпосылки возрастающей рационализации хозяйства и общественной жизни (что происходило на практике в развитых странах мира), ориентированной на максимизацию извлечения дохода различными возможностями применения редких ресурсов в соответствии с предельной полезностью — как это должно было бы быть в идеальном случае.

Эта предпосылка основана на европейской либеральной экономической традиции «рационализации» мира. У М. Вебера «пафос рационализации» — это пафос безграничного познания и овладения природой и обществом [3, 4, 6], основанный на том, что интерес индивида реализуется в эгоистических побуждениях путем преследования своей выгоды и с учетом целесообразных ограничений общего блага, что приводит к тому, что общественная практика в итоге превращается в целерациональную деятельность социума как целого. М. Вебер исследовал «авантюристический аспект» исторического генезиса капитализма, который состоял в «сочетании разбоя и торговли, спекуляции и грабежа. Но «рационализм и трезвый расчет» постепенно отодвигали на задний план эти черты, унаследованные от средневековья (своекорыстие, жажду наживы, авантюризм), которым была противопоставлена хозяйственная деятельность, ориентированная на сопоставление дохода и издержек в денежном выражении, как бы примитивно это ни совершалось с самого начала. В таком смысле, по М. Веберу, хозяйства с учетом движения денежного капитала предприятий (Betrieb) существовали во всех культурных странах земного шара. Поэтому развитие капитализма в Европе определялось наличием предприятий, целью которых являлось получение максимальной прибыли, а средством достижения этой цели была рациональная организация производства. Получение прибыли посредством эффективного производства, комменды, откупа налогов, ссуды государству, финансирования войн, княжеских дворов и должностных лиц было связано с рациональной организацией свободного труда, использованием любых возможностей обмена для ненасильственного приобретательства [4, с. 48-49].

Концептуальная основа данной статьи опирается на научные и прагматические традиции рационализации хозяйства и общественной жизни, которые восходят к теории М. Вебера, когда во главу угла ставились добропорядочность и кредитоспособность, а не жажда наживы; стабильное развитие и рост, а не авантюризм; упорядоченная отчетность и умеренность, а не своекорыстие; и в конечном счете утвердились стандартные европейские ценности и схемы экономических действий, воплощенные в социокультурных компонентах свободы, независимости, самореализации, инициативы, стремления к росту благосостояния (как своего, так и своей семьи), мотивации индивидуального успеха в осязаемых материальных и денежных формах.

Авторы статьи осознают, что представленная М. Вебером историческая картина развития денег — это «идеальная типизация» идеи рационализации хозяйства и общества, выражаемая в форме экономической рациональности. Для более глубокого понимания того, что кроется за повседневностью денег, нужно, на наш взгляд, обратиться к классической концепции денег, которая была разработана в поведенческих финансах и экономической социологии. Жаждущие денег индивиды есть во всех обществах, включая и современные. И хотя авантюристический склад мышления, пренебрегающий этическими рамками, исторически был «явлением повсеместным» [4, с. 79], все равно в итоге экономическая рациональность победила в передовых странах мира авантюристическую иррациональность, обнаружив свое последовательное выражение в обществе

«буржуазного капитализма»: в рациональном управлении (рациональная бюрократия), праве (честные суды), религии (хозяйственный успех как доказательство избранности), денежном обращении (создание эффективных финансовой, кредитной, биржевой систем обращения денег, позволяющих предельно рационализировать рыночные спекуляции); предоставлении реальных возможностей рационального поведения индивида на основе свободы принятия решений в хозяйственной сфере, что в целом позволяло добиваться экономической эффективности. Религия стояла на страже денег: так, протестантская логика рационализации предписывала «остерегаться благ мира сего» и твердо следовать аскетическому поведению, рационально трудиться ради прибыли и не расходовать ее «просто так» — и это было аналогом постоянной реинвестиции неиспользованной прибыли. Именно такое экономическое поведение было необходимо для быстрого и успешного развития капитализма как европейского процесса рационализации, и у истоков дальнейшей ее исторической реализации в реальной жизни стояли власть и деньги. При этом, по Т. Веблену, К. Марксу и Г. Зиммелю [5, 15, 16], в качестве квинтэссенция всего экономического выступали именно деньги.

Обращаясь к социологическому анализу денег, который К. Маркс провел в «Экономическо-философских рукописях 1844 года», важно подчеркнуть идею о том, как деньги революционизировали хозяйственный обмен в ситуациях, когда все превращалось в товар, т. е. продавалось и покупалось за деньги, где он впервые сформулировал идею трансформации социальных отношений в процессе рационализации хозяйственной жизни в деперсонализирующие (*depersonalizer*) отношения. Деньги — формальный критерий ценности, уравнивающий всё и вся: людей и вещи, людей между собой. Деньги отнимают у производимой вещи ее целесообразный характер, превращают ее в средство, работник оказывается отчужденным от продукта своего труда: воцаряется всеобщее отчуждение. К. Маркс обозначил процесс «обезличивающей силы денег» как «отчужденную мощь человечества», но при этом «опосредствованные деньги» — это «подлинно творческая сила» экономического роста [16, с. 150]. Капитализм предполагает рациональную организацию труда и требует, по К. Марксу, чтобы большая часть прибыли реинвестировалась, не расходовалась впустую, сохранялась для дальнейшего воспроизводства средств производства. Для чего и нужны деньги, которые все больше реинвестируются в производство товаров по схеме: «деньги-товар-деньги». Экономический смысл работы денег — чтобы их становилось больше.

Переосмысливая с современных позиций тот анализ денег, который провел Г. Зиммель, нужно обратить внимание, что он ставил для себя следующие задачи: понять «культурную функцию денег», выявить «господствующий стиль» современной ему жизни, основанной на «логике денег»; понять «сущность и форму жизни, исходя из действительности денег»; переосмыслить на базовом, философском уровне «переплетение (“*verzweigung*”) денежного принципа с развитием и оценками внутренней жизни», выявить «сущность денег, исходя из условий и отношений жизни вообще» [15, с. 126]. Г. Зиммель обнаружил го-

сподствующее «стилевое единство» современной культуры. Этот стиль, по его мнению, сводился к объективности денег и логических форм. Объективный стиль денег определял глубинный смысл его эпохи: нарастающее отчуждение и опустошение культурных форм, их отрыв от содержания, превращение в самодовлеющие игровые формы (заметим: это именно то, что мы все наблюдаем в современной России). Для Г. Зиммеля деньги — тоже сила, как и для К. Маркса, но, в отличие от последнего, эта сила им понималась не только как обезличивающая и отчуждающая, но также как освобождающая. Ученый пришел к выводу о том, что, разрывая личные связи, свойственные традиционным хозяйственным укладам, деньги давали индивиду как свободу выбора (важное условие хозяйственного обмена), так и партнеров для его бизнеса, превращая его личные связи в просчитываемые инструментальные [15, с. 141]. Сила и мощь денег проистекали из их автономии по отношению к общественным ценностям, воспринимались как тип инструментального, калькулирующего подхода: так, для хозяйственных операций в любом бизнесе ставились и решались простые арифметические задачи путем денежных вычислений. Г. Зиммель подчеркивал культурно-символическое значение денег как рационализации экономических процессов, приобретавших в его время философские и социологические смыслы, реализуемые в статусно-денежной конфигурации в конкретном обществе.

Наиболее точно эти моменты рационализирующей силы денег описал Т. Веблен в своей «Теории праздного класса», где он определял деньги как «мощь и силу» у тех, кто ими реально обладает. Развивая эту идею, ученый обнаружил, что «мощь и сила» денег выступали в трех базовых социально-экономических ипостасях: 1) как принцип и стереотип денежного успеха, становящегося «общепринятой целью всякого действия» («денежный успех, поверяемый завистническим сопоставлением себя с другими людьми, становится общепринятой целью всякого экономического действия» [5, с. 80]); 2) как принцип и стереотип демонстративного поведения (определяющего те «буржуазные каноны, в соответствии с которыми вехи на жизненном пути — это всего лишь вехи в потреблении все новых и новых товаров» [5, с. 81]); 3) как принцип и стереотип существования фундаментального различия между «производством благ» и «производством (деланьем) денег» [5, с. 119]). По Т. Веблену, «денежное соперничество» и «денежное сопоставление себя с другими людьми» имеют фундаментальное значение, поскольку направлены «на усиление борьбы за денежную престижность путем наложения резкого неодобрения на всякий промах и всякое свидетельство промаха в деле денежного преуспеяния» [5, с. 82]. Имеют значение модели конкурентного использования индивидами символических объектов, когда «денежное соревнование» (*resuniary emulation*) порождает статусную конкуренцию для целей оценки и расположения «по рангу достоинств и значимости», которые основаны на сравнении ранжирования относительной денежной стоимости. Процесс оценки индивидов в отношении их настоящих и мнимых достоинств был основан, по Т. Веблену, на «завистническом» мотиве их денежного соперничества при описании их сопоставления друг

с другом, с точки зрения «эстетического или морального смысла» [5, с. 82], что в итоге становилось последствиями их «денежной силы». Та основа, на которой в конечном счете покоится хорошая репутация в любом высокоорганизованном обществе — это и есть именно «денежная сила», проявляющаяся в демонстративном поведении и праздности: «средствами демонстрации денежной силы, а тем самым и средствами приобретения или сохранения доброго имени, являются праздность и демонстративное материальное потребление» [5, с. 119].

Таким образом, впервые в экономической социологии было продемонстрировано два статусных перехода «рационализации жизненного мира» индивидов: во-первых, переход от «производства благ» к «деланию денег»; во-вторых, от потребления «обычного» — к «демонстративному» потреблению, понятому как закономерность воспроизводства представителей высшего класса. Был зафиксирован образ статусной конкуренции, предполагающий существование и функционирование жестко ограниченных, иерархически упорядоченных, ритуально нагруженных смыслов и жанров, сопряженных с параметрами денежной силы, когда выявленные на ее основе относительные статусные ранги вполне адекватно понимаются и всегда принимаются всеми заинтересованными участниками процесса демонстративного потребления. В этой денежной концепции «жизненного мира» представлено объяснение институциональных изменений статуса «денежными силами» и «денежными мотивами», соседствующее с проблематикой «денежных затруднений» в субординации денежных мотивов, т. е. тот, кто не может демонстративно потреблять, в итоге, рано или поздно, будет вынужден покинуть статусные ниши господствующего класса собственников [16, с. 200-206]. Этот важный аргумент является тем «страхом», который становится действенным мотивом. Важно подчеркнуть, что деньги выступают как действенная модель конкурентного использования индивидами символических объектов. Этот достаточно четкий вариант концепции «денежной силы» весьма актуален для современной российской элиты, т. к. денежное явление жизни праздного класса, возникшее и описанное Т. Вебленом в конце XIX в., в нашей стране набрало всю свою мощь и силу в явном виде только в начале XXI в. Ищущие новые потребности индивиды конкурируют в их удовлетворении со своими коллегами, используя культуру «демонстративного потребления» в качестве статусного средства, в том числе также и как средства самопознания (self-understanding). Ключевые моменты жизненных миров, в которых денежные силы выступают в формах символических объектов, мы рассмотрим ниже.

Важно отметить, что теория экономического поведения «праздного класса» Т. Веблена и новых для него традиций нуворишей разбрасываться деньгами с жесткими ценностными ориентациями на поддержание особого элитарного статуса и мотивами престижного потребления — все это явно слабо вписывается в общий контекст исторической рациональности. Хотя эффект Веблена показывает, как возрастает спрос на потребительские товары и услуги при увеличении их цены, и демонстрирует «истинную силу денег», вместе с тем он не отвечает на вопросы денежной рациональности (ведь деньги на первый взгляд

тратятся впустую), и инерционности исторической нерациональности, или эффекта колеи (path dependence) как зависимости от прошлого, которая мешает выбрать правильный путь как в настоящем, так и будущем. Эффект колеи определяет концептуальную возможность развития, жестко детерминированного выбором, сделанным значительно раньше, особенность которого заключается в том, что на предыдущем этапе он мог быть сделан далеко не самым оптимальным образом, и тогда этот неэффективный выбор предопределяет все дальнейшее «нерациональное» развитие.

На взгляд авторов данной статьи, возможные ответы на эти вопросы при изучении социальной реальности и повседневности денег заключаются в аналитическом привлечении в теории феноменологической социологии Э. Гуссерля понятия «горизонт» (horizonhaft), сопряженного с жизненным миром [9]. Согласно Гуссерлю, в восприятии всегда непосредственно выявляется лишь одна сторона (аспект) предмета, которая схватывается на фоне его прошлых и ожидаемых возможных способов восприятия. Горизонт — это термин, характеризующий одну из основных черт интенциональной жизни сознания, который символизирует все цели и все устремления, которые так или иначе приобретают в настоящем и в будущем свои предметные реализации. Горизонт как многообразие возможного опыта имеет подвижную структуру, непрерывно актуализируется и меняется на каждой фазе восприятия; горизонт обозначает подвижный, зависящий от изменяющихся интенций сознания, нетематический «фон», т. е. то, к чему сознание актуально не обращено, что неявно переживается.

«Жизненный мир» в этой теоретической конструкции — совокупность действительных и возможных горизонтов опыта человеческой жизни. Центральный показатель для горизонта у Э. Гуссерля — временной, что означает: чем более дальние горизонты открываются для жизненного мира, тем содержательно глубже восприятия в потоке интенциональных переживаний. Открытие горизонтной структуры интенциональности он считал главным своим достижением в феноменологии, которая не сводится к анализу лишь непосредственных опытных данных, а нацелена на выявление горизонтных структур в жизни сознания. Жизненный мир Э. Гуссерля называл универсальным горизонтом, трактуя его как соединение различных форм горизонтов (актуального, временного, исторического), которые в той или иной мере задают предельно дальние круги возможных отношений к самому себе, природному миру, историческому сообществу. Горизонты восприятия всегда открыты и принципиально незавершенны, что актуализируется в термине Э. Гуссерля «бесконечный временной горизонт», в котором синтезируется единство актуального и потенциального опыта. Существование же означает выбор тех элементов в горизонте возможных, которые неким осмысленным образом связаны с предыдущими.

Идея временного горизонта Э. Гуссерля была реализована в различных науках: в науке о деньгах идея получила воплощение в концепции «длинных денег» и «денег коротких»; в концепции менеджмента — в теории и практике длинных и коротких «дискреционных временных горизонтов» Е. Жаке [33]. Обе эти

концепции имеют примерно один и тот же смысл: чем больше и чем точнее временной горизонт прогнозирования, тем более качественным и более добротным должен быть жизненный мир. Смысл идеи дискреционного периода заключается в оценке того времени, когда индивид действует по собственному усмотрению от «контроля до контроля», соотносимому с выполняемой работой, когда уровень его компетенции определяется по тому принципиальному признаку, работает ли он с короткими или длинными периодами прогнозирования. Поэтому думающие о ближайших днях простые работники или старшие менеджеры неэффективны в принципе, в чем бы ни состояла их работа. Их растущий потенциал может определяться способностью руководствоваться лишь более длительными планами. Так, рабочий на конвейере получает почасовую оплату, заработок менеджеров считается обычно на год, компенсации высшего руководства формируются при помощи еще более долговременных инструментов, к примеру, таких, как опционы на покупку акций компании. Именно в этом проявляется соотношение «дискреционного временного горизонта» и уровня выполняемой работы.

В теории и практике финансового менеджмента одно из ключевых понятий — временной горизонт инвестирования. Учеными и практиками давно выявлены четкие экономические закономерности, согласно которым с удлинением сроков инвестирования проекта показатели риска и доходности снижаются. Эффект временного фактора наиболее отчетливо проявляется при вложениях в акции, что превращает этот инструмент, по сравнению, например, с облигациями, в низко рискованный, дающий значительно более высокую доходность на развитых рынках денег и капитала [2, с. 65].

Для предельно углубленного понимания самой проблематики денег в современной социальной реальности один из ведущих экономистов России, проф. А. Аузан предложил уяснить изобретенный им научный афоризм, состоящий из двух пар базовых понятий: «долгий (длинный) взгляд» — «длинные деньги» (деньги «в долгую»), «короткий взгляд» — «короткие деньги», а именно: «Ценность денег для государства, конечно, возрастает. И вопрос только в том, что при коротком взгляде это порождает захваты, а при длинном взгляде — поощрение инвестиций» ... «Долгий взгляд возникает из определенных интересов: люди либо преследуют краткосрочные интересы — и тогда они мне неинтересны ... на коротком горизонте они готовы друг другу горло перегрызть, когда речь идет о том, что делать с бюджетным ресурсом: вбросить в промышленность, поделить между людьми или ни в коем случае не портить макроэкономическую ситуацию, потому что иначе рынки не смогут работать сами. А если говорить о том, к каким целям страна должна прийти лет через 20, у них многое сойдется ... люди спорят, исходя из того, что существуют долгосрочные интересы. И я вам скажу, при длинном горизонте консерватор, либерал и социалист — они друг друга поймут» [1].

Иными словами, нужно утверждать, что в оппозиции категорий «долгий (длинный) взгляд» — «длинные деньги» (деньги «в долгую»), «короткий

взгляд» — «короткие деньги» определяется настоящее и будущее жизненных миров различных представителей всего народонаселения нашей страны. При этом, как правило, доминирует денежная установка обладателей финансовых ресурсов в России на категорию: «короткий взгляд» — «короткие деньги».

Необходимо подчеркнуть, что разработка данной оппозиции категорий встречалась в самых разнообразных концепциях, отражаемых в практиках реальной жизнедеятельности разных статусных групп. Так, содержание категориально-понятийных элементов рационализации жизненного мира через статусную денежную переориентацию с капиталистического ведения хозяйства «производства благ» на «чистое производство денег» «в короткую» нашло теоретико-методологическое развитие в экономической социологии, представленной Ю. Хабермасом, который, опираясь на идеи Э. Гуссерля, разрабатывал собственную теорию «жизненного мира». В концептуально-парадигмальном плане он исходит из того же понимания о рационализации хозяйственной и общественной жизни, из которого исходил М. Вебер, описывая судьбы превращения общественной практики в целерациональную деятельность всего социума. Такое понимание становится центральным в критической теории общества, экономической истории индустриального общества, теории и практики становлении мировой денежной системы, эволюции массового общества XX-XXI вв., которые задали социетальный контекст для понимания более или менее значимого события в области денег и финансов.

Для теоретической операционализации денег как социальной реальности большое значение имеют те работы Ю. Хабермаса, в которых он попытался соединить два подхода: теории социального действия и теории социальной структуры в рамках базовых понятий «жизненного мира», тесно корреспондирующего с понятием «системы действий» (просто «системы»). Наиболее значимы его разработки вопросов денег и власти как управляющих сред; тематики колонизации жизненного мира; проблематики патологического воздействия системы действий на все структуры и формы человеческого действия, включая структуры жизненного мира [25, 26, 27]. Следуя традиции М. Вебера о рационализации хозяйства и общественной жизни, Ю. Хабермас увидел процессы рационализации современного жизненного мира через механизмы переориентации на деньги, власть и общественное мнение, которое в западных цивилизациях выполняет функцию одной из управляющих сред. Исходя из того, что вышперечисленное выполняет функции «регулятивных языков» в рамках разных институтов в соответствии с тем, как это предписывают контролирующие их ценности, и при этом «институционально укоренено в жизненном мире», а «“общественное мнение”, охраняющее жизненный мир, имеет смысл, отличный от точки зрения государственного аппарата, выражающего интересы системы» [27, с. 126], то, учитывая, что в современной России последнее отсутствует, в терминах Ю. Хабермаса охранять «жизненный мир», у нас, получается, некому. Во всех классических интерпретациях монетаризации жизненного мира индивида и группы, как доказал Ю. Хабермас, одно из ключевых мест всегда зани-

мали именно деньги. Присущие хозяйственной и государственной сферам, монетаризация и бюрократизация проникли не только в материальное производство, но и во все символическое воспроизводство жизненного мира, что привело к тому, что в итоге неизбежно возникают «патологические побочные следствия», а это отдельная концепция денег в пространстве «жизненного мира» человека. Важно отметить, что благодаря деньгам возникает возможность не только появления специфических форм интеракций, «не связанных с жизненным миром», но и, по мнению Хабермаса, формирования особой подсистемы, строящей свои отношения с окружающим миром только через деньги. Это имеет значение потому, что с исторической точки зрения капитализм явил собой экономическую систему, регулирующую свой внутренний цикл и отношения с внеэкономическим окружением (семейные бюджеты и государство) исключительно через монетарные каналы [26, с. 362].

Обращая внимание на «парадоксы рационализации общественной жизни», Хабермас отмечает, что прежде, чем в жизненном мире власть и деньги на законных основаниях институционализируются в своих средах, сама рационализация жизненного мира должна достичь определенной степени зрелости. Этот процесс, в частности, практически завершен в современной Германии. Хотя обусловленные классовой спецификой эффекты распределения сред, укорененных (embeddedness) в нормах собственности и государственного устройства, могут оказаться вне поля зрения аналитиков и ученых. Так, деньги, власть и общественное мнение как управляющие среды, отделяющие функциональные системы от жизненного мира, должны в нем вновь и вновь институционализироваться. Все процессы монетаризации и бюрократизации в любом обществе затрагивают первоосновы воспроизводства культурных ценностей, социальной интеграции и социализации, тем самым вызывая «патологические побочные эффекты» [26, с. 366]. Хотя в политических системах развитого капиталистического общества обозначились «компромиссные структуры», которые с исторической точки зрения воспринимаются как реакция жизненного мира на своеобразие систем действия и закрепляют право на насилие за государственным аппаратом, но как средствами насилия, так и посредством денег экономическая система «колонирует» жизненный мир, разрушая социальную интеграцию [26, с. 365-366]. То, что в социальном и монетарном планах происходило в Германии в середине XX в., в России происходит в настоящее время (2016 г.) и ожидается в будущем.

Теория и выбор методологии анализа

Представленный выше обзор отобранных нами авторов научной литературы по признакам «деньги» и «социальная реальность» выявил общее состояние проблемы изученности денег как социальной реальности в экономико-социологическом контексте, показал определенные достижения в этой области знаний, выявил многие нерешенные вопросы, объяснил результаты научных исследований, в том числе альтернативные варианты, а также должен позволить углубить

теоретические положения и отобрать конструктивные идеи для дальнейшего анализа на основе представляемой методологии. Очерчивая предполагаемое место данной научной статьи в потоке других научных работ, ее авторами делается упор как на западные, так и на отечественные концепции, т. к. сбалансированный анализ денег в контексте социальной реальности должен учитывать одновременно структурные, экономические и социокультурные факторы развития общества, которые были бы корректно сопряжены со статистическими и актуальными экономико-социологическими данными.

Научная новизна статьи заключается в том, что социальная реальность «сквозь призму денег» рассматривается с точек зрения потребления по признаку денежных расходов различных социальных групп (по десяти децильным или четырем квинтильным группам), которые имеют в своем распоряжении как различные дискреционные временные горизонты планирования своей жизни, так и временные горизонты относительно трат либо вложений «денег длинных» и «денег коротких», а также вложений, по своим суммам «больших», «средних» или «маленьких» в зависимости от принадлежности к той или иной статусной группе.

Эмпирической основой материального и денежного неравенства являются, как правило, данные о денежных расходах по десяти децильным (четырем квинтильным) группам, которые считаются наиболее надежными показателями официальных оценок исследований домашних хозяйств [12, 13, 18, 21]. Авторы данной статьи исходят из положения о том, что уровень денежного (финансово-экономического) благосостояния домохозяйств определяется социально-экономическим статусом (занятость членов домохозяйства и уровень образования), демографической структурой (пол и возраст членов домохозяйства, число взрослых и детей), а также значимыми внешними факторами, например, связанными с местом проживания и регионом. Концептуальными основами данной статьи являются критическая теория общества в социологии, сосредоточенная на теме «колонизации жизненного мира»; разновидности денежной экономики, делающей акцент на статистический финансовый анализ; современные подходы экономической социологии, сопряженные с веберовской традицией теорий действия, тяготеющих к культурно-историческому, социокультурному и сетевому подходам, где подчеркивается важность символической борьбы в изучении денег как социальной реальности и процессов формирования современных финансовых и властных институтов.

Логика финансовой и хозяйственной деятельности и их образцы в своей реальной действительности значительно различаются в зависимости от социального контекста, который задает будущее, на что обратили внимание теоретики ранней институциональной экономики. Т. Веблен справедливо считал, что экономическая теория должна изучать эволюцию хозяйственного и финансового поведения, в том числе с точки зрения представителей «праздного класса», поскольку способы хозяйственной деятельности изменяются в зависимости от исторических условий и обычно целиком зависят от управленческих действий

этого класса. Но если экономические законы обусловлены контекстом, а не универсальны, и если разные совокупности этих законов выполняют роль функционально действенных альтернатив, то возникает вопрос: каковы же причины различий в хозяйственных системах и функционировании денег как жизненных миров?

С теоретической точки зрения при анализе социальной реальности денег, на наш взгляд, имеет значение культурно-исторический подход, где подчеркивается не только важность символической борьбы за денежные потоки в процессе формирования институтов, фокусирования на роли государства в формировании экономической политики, оценки вклада «эффекта колеи» — зависимости от траектории предшествующего развития (от первоначально избранного пути) (path dependence). Как доказал Ф. Доббин, механизм «эффекта колеи» состоит в том, что старые политические стратегии рожают схожие новые, формируя особые организационные каналы (organizational avenues) для решения проблем, включая денежные [11, с. 332-333]. В различные исторические периоды разные страны демонстрируют влияние традиций на принятие политических решений, что обусловлено их вкладом в коллективные представления об инструментальной рациональности и социальном порядке, и современные стратегии промышленной и денежной политики формируются именно вокруг таких представлений [11, с. 28-29, 38].

Фундаментальное значение имеют факторы исторической укорененности (historical embeddedness) денег и власти в социальной структуре и культуре, что выражается не только в теории зависимости от первоначально избранного пути (path dependence), но и в реальной практике, коррелируемой с другими видами укорененности: культурной (cultural embeddedness) — встроенности порядков функционирования денег, власти и экономического действия в культуре общества; политической (political embeddedness), вызванной обстоятельством, что экономическое и финансовое действие всегда встроено в конкретный контекст политической борьбы; когнитивной (cognitive embeddedness), связанной как с ментальной инерцией, так и с другими факторами, которые ограничивают мыслительные процессы человеческого разума. Существуют и другие виды укорененности (embeddedness) экономического действия в социальных структурах, имеющие значение для понимания денег как социальной реальности: укорененность рынков (embeddedness of markets) и отношений (relational embeddedness), структурная укорененность (structural embeddedness), неформальные институциональные практики, укорененные как рутинные способы действия в организациях, которые доступны акторам других организациях [24, с. 188]. Определяя сущности денег (the nature of money) как социально укорененные долговые отношения (socially embedded credit-debt relationships), или, в других терминах, как социальные отношения кредита (credit-debt relationships) [32, с. 69-74], получается, что денежная ответственность сопряжена с осознанием налагаемого на человека «высшего» хозяйственно-политического порядка, функции которого могут быть трудно объяснимы с «чисто экономической» точки зрения. К числу

таких функций (помимо явно дисциплинарных, когда человек «привлекается» за отказ от выплаты кредита) относятся статусные, политические, эстетические, религиозные, сакральные, что является отдельной темой социальной реальности денег.

Данные и эмпирические результаты

Чтобы понять сегодняшнее положение дел в России с точки зрения концепта денег как социальной реальности, с точки зрения культурно-исторического подхода, необходимо кратко рассмотреть предысторию вопроса функционирования денег и работы финансовой системы, начиная с советского времени.

Как известно, в СССР были официальные деньги, и все работники получали заработные платы в этих деньгах; вместе с тем это была лишь небольшая часть общей финансовой картины мира. Как доказал М. Восленский, учитывая, что существенная часть бытового потребления происходила за счет распределения благ через различные административные системы предпочтений и нормированного распределения, где доминирующей была номенклатурная система распределения [8], по факту советский рубль служил ничем иным, как расширенной формой раздачи талонов для распределения населению продовольственных и промышленных товаров и услуг; в то время как для представителей номенклатуры существовало специальное распределение через так называемую систему «специальных пайков» и «специальных услуг». Непрозрачность такого типа распределения была важна не только для обеспечения обширных скрытых возможностей обогащения привилегированных членов номенклатуры. Более важным было то, что она служила основанием для развития отношений статусной зависимости и статусной преданности, опиравшихся, в том числе, и на распределение избирательных специальных товаров, услуг и бонусов. Причем эти отношения составляли ядро модели управления государством, в котором фигурировали такие темы: низкая заработная плата населения, присвоение прибавочной стоимости номенклатурой, невидимая часть зарплаты номенклатурщика, номенклатурный бакшиш [8, с. 230, 250, 277, 279].

Официальные деньги СССР предлагали «обычному потребителю» выбирать только определенные, не распределяемые по специальным пайкам, товары и услуги, и при сильнейшем дефиците их нельзя было законным образом конвертировать в рыночные валюты, за что существовала расстрельная статья в уголовном кодексе. В СССР была невозможна частная инвестиционная официальная деятельность, когда бизнес в принципе мог бы вкладывать свои деньги в выгодные сектора и ниши промышленности, в любые отрасли народного хозяйства, чтобы производить конкурентоспособные товары, услуги и работы, и успешно развиваться и процветать, как это было на Западе. Официальная инвестиционная деятельность в СССР работала через советскую банковскую систему, которую невозможно было рациональным образом сравнивать с банковской системой любой развитой страны мира при нормальной рыночной экономике. Исходя из того, что в СССР производители не могли обращаться в банки за

частными кредитами, и им не позволялось использовать официальные деньги как платежное средство при сделках, то в итоге получалось, что советские банки не могли выступать в своей главной роли — посредника между вкладчиками и инвесторами. Из этого, в свою очередь, следовало, что советские деньги представляли собой закрытую непрозрачную систему в обращении, оказывавшую нулевое легальное воздействие на реальные стороны и сегменты экономики. Согласно секретным инструкциям, содержащимся в государственном плане, государственный банк выделял производителям определенный объем наличных рублей, которые руководство должно было распределить в качестве зарплат. После этого работники могли выбирать: потратить полученные деньги или сберечь. В первом случае деньги обменивались на блага в государственных розничных магазинах, откуда они вновь возвращались в государственный банк, во втором — клались на счета в государственном сберегательном банке, откуда возвращались в тот же общий государственный денежный фонд.

Сложность денежного вопроса в советское время демонстрирует важный момент: было приложено немало усилий в попытке установить связующее звено между этой необычной формой обращения денег и советской инфляцией, но в научных и практических подходах все усилия оказались тщетными: масштаб денежного навеса официально не объявлялся. Т. к. цены были негибкими (коэффициент эластичности спроса по модулю меньше единицы), то вопроса об открытой инфляции цен вообще не существовало. Официально говорилось о том, что существовала «скрытая инфляция», которая включала разнообразные обходные пути переоценки стандартов качества товаров и услуг с тем, чтобы получить более высокую цену за тот же самый товар и ту же самую услугу. Лишь с приближением начала «рыночной экономики» в России возникло новое понятие: «денежный навес», определяемый как вынужденное накопление рублей, которые нельзя было потратить на покупку товаров или услуг.

К 1991 г., последнему году существования СССР, деньги печатались в таких грандиозных масштабах, что годовой объем новых денег превысил общий объем рублей, напечатанных за предыдущие 30 лет: всего в 1991 г. напечатано 137,3 млрд руб., в то время как за период с 1961 по 1990 гг. их было напечатано 133,8 млрд [31, с. 9]. Отметим, что Сергей Глазьев предлагает вновь вернуться к политике «печатания денег» [22], т. е. накачивать экономику деньгами, в том числе и предприятия тяжелой промышленности, военно-промышленного комплекса, автомобилестроения, которые в мире неконкурентоспособны, но будут продавать оружие по всему миру, после чего эти деньги опять вернутся государству, а население «пройдет мимо» них. При этом будет обеспечен рост экономики от 5% в год, но зато будет «разгоняемая инфляция». Как показал исторический опыт, после российской либерализации цен в январе 1992 г. и грандиозного печатания денег набухание «денежного навеса» просто не могло не привести к спирали инфляции, обернувшейся гиперинфляцией, которая уничтожила практически все денежные сбережения населения,

зато обеспечила удачно устроившихся инсайдеров широкими возможностями для сверхвыгодных спекуляций.

Поскольку добровольный горизонтальный обмен в советское время в реальных секторах экономики между производителями происходил только в неформальном (нелегальном) виде (через государственные банки шли плановые денежные потоки), то официальные деньги могли служить средством обмена только в двух ситуациях: при выплате зарплат и при трате семейного дохода. Поскольку ни та, ни другая сфера никак не влияла на принятие бизнес-решений производителями в реальных секторах экономики, то их рынки в лучшем случае можно было называть «квазирынками» [28, с. 156, 157]. Этот аналог в постсоветской модели движения денежных потоков мы можем увидеть на примере долговой модели развития наших крупных компаний, имеющих большой административный ресурс, и при его помощи получающих большие кредиты в тех банках, на которые государство или крупные чиновники могут оказывать определенное давление. Это та самая «долговая модель», при которой крупные влиятельные бизнесмены и владельцы своих бизнесов могут брать деньги в банках и тратить их неэффективно, что очень похоже на советскую модель государственных денежных потоков.

Данный краткий исторический обзор необходим для дальнейшего изложения нашей темы, потому что современная российская экономика, на наш взгляд, вновь движется назад — к архаическим формам денежного обращения в сфере бизнеса, подтверждая еще раз то обстоятельство, что фундаментальное значение имеет историческая укорененность денег (*historical rootedness money*), существующая наряду с другими видами социальной укоренности. К развитию этого ключевого сюжета мы еще вернемся в конце нашей статьи, а сейчас обратимся к тем конкретным статистическим данным, которые показывают деньги как социальную реальность с точки зрения реальных процессов социальной дифференциации российского населения и их стратегий формирования доходов.

Если мы обратимся к структуре денежных доходов населения России за последние 30 лет, не обращая пока внимания на эффекты низкой исходной базы (1985 г.), то обнаружим, что, согласно официальной методологии Росстата, она дифференцируется по пяти позициям: оплата труда (включая скрытую), социальные выплаты, доходы от предпринимательской деятельности, доходы от собственности, «другие доходы» (табл. 1).

Как видим, основная структурная нагрузка денежных доходов населения России падает на оплату труда (включая скрытую) — 61%-75% в разные годы анализируемого тридцатилетнего периода, социальные выплаты — порядка 12%-18% в разные годы. Доходы от предпринимательской деятельности составляли от 3% до 16% в разные годы, доходы от собственности — 1,5%-9% в разные годы, «другие доходы» — 0,9%-4,6% в разные годы тридцатилетнего периода. Динамические ряды показателей за 1985-2015 гг. о многом говорят. Видно, что с начала рыночных реформ 1992 г. предпринимательские доходы

Таблица 1

Структура денежных доходов населения России, % (1985-2015)

Table 1

The structure of cash revenue of the population of Russia, % (1985-2015)

Год	Структура денежных доходов населения России (в процентах)					Всего денежных доходов
	оплата труда, (включая скрытую)	социальные выплаты (социальные трансферты)	доходы от предпринимательской деятельности	доходы от собственности	другие доходы	
1985	74,8	16,4	2,7	1,5	4,6	100
1990	76,4	14,7	3,7	2,5	2,7	100
1992	73,6	14,3	8,4	1,0	2,7	100
1993	61,1	15,0	18,6	3,0	2,3	100
1994	64,5	13,5	16,0	4,5	1,5	100
1995	62,8	13,1	16,4	6,5	1,2	100
1998	64,9	13,4	14,4	5,5	1,8	100
1999	66,5	13,1	12,4	7,1	0,9	100
2000	62,8	13,8	15,4	6,8	1,2	100
2001	64,6	15,2	12,6	5,7	1,9	100
2007	67,5	11,6	10,0	8,9	2,0	100
2008	65,5	13,2	10,3	9,0	2,0	100
2009	65,2	14,9	9,7	8,2	2,0	100
2010	64,6	17,8	9,3	6,3	2,0	100
2011	67,1	18,3	9,1	3,6	2,0	100
2013	65,3	18,6	8,6	5,5	2,0	100
2014	65,8	18,0	8,4	5,8	2,0	100
2015	66,0	18,1	7,3	6,6	2,9	100

Источник: официальные данные Росстата

Source: Rosstat official data

и развитие предпринимательства в значительной степени смягчали для населения негативные последствия структурных экономических преобразований: в 1992-м доходы от предпринимательской деятельности составляли 8,4% от общего объема доходов, в 1993-м — уже 18,6%. Рыночные реформаторы в правительстве России, многие экономисты, социологи, политологи рассматривали именно предпринимательство как принципиально новую возможность

для денежного и материального обеспечения сектора домохозяйств в условиях рыночной экономики. В период социальной политики выживания (1992-1999) предпринимательство как особый сегмент российской рыночной экономики вносило в доходы населения свой максимальный вклад, который постепенно падал до 12,4%; в период быстрого экономического роста с наращиванием ресурсной базы (2000-2014) данный вид экономической деятельности стал вносить все меньший и меньший вклад в доходы населения, и к 2015 г. удельный вес предпринимательских доходов снизился до 7,3%, по доле доходов вернувшись в 1992-й (при условии, что мы элиминируем фактор низкой базы). Как известно, в настоящее время все усилия, направленные на содействие развитию предпринимательства, не достигают желаемой цели, а в ряде случаев, наоборот, подталкивают его к все большему «уходу в тень». Один из сильных примеров: принятое в конце 2012 г. решение о повышении нормативного ежемесячного дохода индивидуальных предпринимателей, с которого уплачиваются отчисления в Пенсионный фонд, до двух размеров минимальной оплаты труда. И уже в I квартале 2013 г. порядка 300 000 индивидуальных предпринимателей аннулировали свой юридический статус. «Новые механизмы» формирования пенсионных прав далеко не способствуют повышению предпринимательской активности в России.

Динамика структуры доходов населения (рис. 1) позволяет рассматривать этапы экономического развития 2001-2015 гг. как период упущенных возможностей для активизации предпринимательской деятельности. Формально в нее было вовлечено порядка 45% всех российских домохозяйств, однако в основном речь идет о личном подсобном хозяйстве, с которым связана деятельность 40% российских семей. Согласно данным РМЭЗ-ВШЭ, только 10% домохозяйств получают доходы от личного подсобного хозяйства, и в большинстве случаев эти семьи не попадают в два верхних квинтиля распределения по доходам. Следовательно, предпринимательство в форме личного подсобного хозяйства представляет собой скорее модель выживания, нежели развития. Другая группа предпринимателей — это владельцы малых предприятий, нотариусы и адвокаты; они имеют высокие шансы попасть в два верхних квинтиля по доходам. Однако, согласно данным РМЭЗ-ВШЭ, такая модель восходящей вертикальной мобильности на шкале доходной обеспеченности доступна не более 5% российских семей. Главным препятствием для развития предпринимательства считаются административные барьеры: малые предприниматели — по одну сторону, а банки, чиновники, проверяющие органы — по другую сторону баррикад [18, с. 13].

Следующий индикатор качества развития — доходы от собственности и финансовых активов. В России в схемы получения такого рода доходов, составляющих 5-10% в общем объеме доходов населения, также включен достаточно ограниченный круг людей. Согласно авторским оценкам на основе данных обследования «Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств», только 2% от всех домохозяйств отмечают доходы от собственности и финан-

совых активов как значимый источник денежных поступлений. Среди тех, кто имеет текущие доходы, характерные для среднего класса, их доля от собственности и финансовых активов вышеназванных доходов составляет всего 3%, а в кругу домохозяйств, отнесенных к среднему классу на основе материальных признаков, характеристик занятости и возможностей контролировать свое социально-экономическое положение, их доля поднимается до 4%. Тем самым стратегии формирования доходов, основанных на новых, по сравнению с советским периодом, источниках денежных поступлений, доступны максимум 8% российского населения, и за последние годы каких-либо значимых институциональных или экономических изменений, расширяющих их круг, не происходило [18, с. 13-14].

Другая позиция в структуре денежных доходов населения России — это динамика социальных выплат (трансфертов) в общем объеме доходов населения. Данные таблицы 1 указывают на то, что в период социальной политики выживания (1992-1999) доля социальных выплат хотя и незначительно, но постоянно уменьшалась: с 14,3% в 1992 г. до 13,1% в 1999-м. В период быстрого экономического роста с наращиванием ресурсной базы (2000-2014) доля социальных выплат, как ни парадоксально, стала постоянно расти и достигла 18,1% в 2015 г. В 2013-м удельный вес данного вида денежных поступлений в доходах населения поднялся до беспрецедентно высокого уровня 18,6%, чего не наблюдалось даже в советский период. Наращивание удельного веса социальных выплат происходит как за счет роста пенсий, так и за счет увеличения социальных пособий. В структуре последних лидируют выплаты отдельным льготным категориям граждан и пособия на поддержку семей с детьми; в общем объеме социальных выплат в различные годы пенсии составляли 67-70% от всех социальных трансфертов. Тот факт, что сегодняшние масштабы перераспределения доходов в секторе домохозяйств выше, чем в советское время, — очень тревожный сигнал. Его можно трактовать как руководство к тому, чтобы приостановить рост расходов консолидированного бюджета на социальные выплаты. Однако средняя пенсия по-прежнему остается на достаточно низком уровне по сравнению с заработной платой: в 2015 г. она составила 12 400 руб., т. е. 38% от средней заработной платы, которая в 2015 г. составила 32 611 руб.).

Очевидно, что возрастающая роль социальных трансфертов в доходах населения — это реакция правительства на высокое неравенство и попытка выровнять доходную обеспеченность на различных этапах жизненного цикла с помощью перераспределительных мер. При солидарной пенсионной системе и плоской шкале подоходного налога все возникающие в этой сфере риски государство принимает на себя. Как известно, предпринятая попытка их диверсификации посредством введения налога на роскошь и развития накопительной компоненты пенсионного обеспечения путем добровольных и обязательных отчислений успехом не увенчалась, а лишь еще больше запутала дело (в частности, переводы в накопительную систему пенсионных денег часто приводили

к тому, что эти немаленькие деньги вообще где-то «терялись»). Пока значимого результата запущенные механизмы социальной защиты населения не принесли, более того, развитие инструментов пенсионных накоплений практически блокировано инициативами новой стратегии пенсионного обеспечения. На наш взгляд, приходится признавать, что распределительная пенсионная система гарантирует только защиту от бедности и не более того. Что касается увеличения налоговой нагрузки на богатых, то это крайне дискуссионный вопрос, который создает высокое напряжение во взаимоотношениях с верхними слоями населения из 9-й и 10-й децильных групп (элиты). В рассматриваемом контексте резкий уход государства из системы пенсионных накоплений представляется достаточно ошибочным решением, если оценивать его с позиций всеобщего общественного блага.

Для того, чтобы оценить фактор расчетной базы (1991 г.) для анализируемых показателей структуры денежных доходов населения России, рассмотрим долгосрочные тренды динамики ключевых показателей доходной обеспеченности денежных доходов, заработной платы и пенсии в сравнении с динамикой ВВП в 1992-2015 гг. (рис. 1).

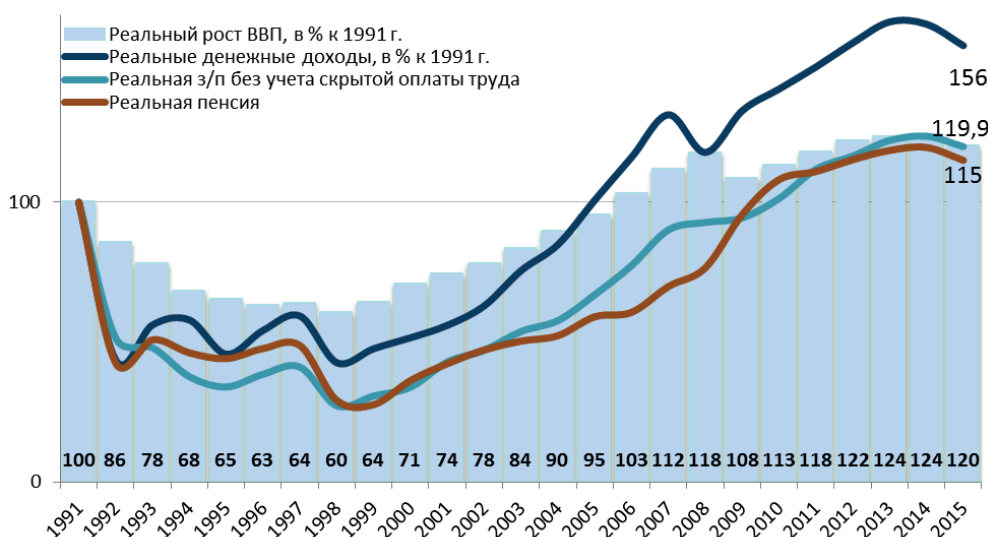

Рис. 1. Динамика ВВП, денежных доходов, заработной платы и пенсии в 1992-2015 гг. (1991 г. = 100%), декабрьские данные

Источник: Расчеты Института социальной политики НИУ ВШЭ на основе официальных данных Росстата [29, с. 14]

Fig. 1. GDP, cash revenues, wages, and pensions dynamics in 1992-2015 (1991 = 100%), December data

Source: the calculations of the Institute of Social Politics, Higher School of Economics, based on the official data by Rosstat

Так, в соответствии с данными официальной статистики Росстата, с ноября 2014 г. началось снижение реальных располагаемых доходов российского населения, которое продолжается уже более 1,5 лет (на время мая 2016 г.). Согласно официальным данным, по итогам 2014 г. Росстат фиксирует сокращение реальных доходов населения на 0,5%, а по итогам 2015 г. — уже на 4,7%. Наибольшим падением характеризуется среднемесячная реальная заработная плата, составившая по итогам 2015 г. 90,7% от уровня предыдущего года. С таким масштабом снижения заработной платы российское население не сталкивалось со времен 1998 г. Несмотря на то, что за постсоветский период Россия прошла через пять периодов снижения уровня жизни населения (рис. 1), а текущий спад стал непривычно долгим даже для опытного (с точки зрения кризисов) российского населения, в декабре 2015 г., согласно официальным данным Росстата, среднедушевые денежные доходы граждан в реальном выражении составили 156% от уровня 1991 г. Это означает, что новая экономическая реальность формируется при совершенно другом уровне доходной обеспеченности домохозяйств, чем в 1990-х или в 2000-х гг. Запас прочности в секторе домашних хозяйств в сочетании с первыми признаками выхода бизнеса из «голландской болезни» усиливает шансы развития России и ее населения за счет несырьевых секторов экономики. Хотя здесь имеется очень большая масса других проблем, имеющих как денежный, так и социальных характер оценок. В то же время, сейчас в экономической научной литературе часто говорится о «русской»/«российской болезни». «Голландская болезнь» — это когда у страны большие доходы от экспорта, и, как правило, получение этих доходов не сопряжено с большим трудом: нефть и природный газ или сельхозпродукты дорого стоят, и страна начинает тратить эти деньги не самым эффективным образом. Модификация «российской болезни» — это когда у страны большие экспортные деньги не просто неэффективно тратятся, а они, в основном, тратятся как раз на мегапроекты и на уходы в офшорные зоны. Российский бизнес выходит из «голландской болезни» потребления, переходя в «российскую болезнь» потребления.

Структура использования денежных доходов населением за 1999-2015 гг. представлена в табл. 2, данные которой показывают, что основная доля расходов в структуре использования денежных доходов населением приходится на покупку товаров и оплату услуг — за последние 16 лет на эти цели уходило от 78,5% в 1999 г. до 71,3% в 2015 г. На отрезке последних 16 лет население направляло на формирование сбережений, включая покупку недвижимости, валюты, изменения на счетах предпринимателей и задолженности по кредитам, от 13% до 20% совокупных доходов. Данные об использовании доходов за 2015 г., как и динамика товарооборота (оборот розничной торговли в сопоставимых ценах снизился до 90% от уровня предыдущего 2014 г.), указывают на то, что потребительский спрос перестал поддерживать экономический рост, и население перешло на стратегию экономии, при этом доля сбережений близка к своим максимальным значениям — 14,1% в 2015 г.

Таблица 2

Структура использования денежных доходов населением, % (1999-2015)

Table 2

The structure of using the population's cash revenue, % (1999-2015)

Год	Структура использования денежных доходов населением					Всего
	покупка товаров и оплата услуг	оплата обязательных платежей и взносов	сбережения*	покупка валюты	прирост (уменьшение) денег на руках	
1999	78,5	6,6	5,3	7,8	1,8	100
2000	75,5	7,8	7,5	6,4	2,8	100
2001	74,6	8,9	8,9	5,6	2,0	100
2002	73,2	8,6	10,9	5,5	1,8	100
2003	69,1	8,3	12,7	7,2	2,7	100
2004	69,9	9,1	11,0	8,2	1,8	100
2005	69,6	10,1	10,4	8,5	1,5	100
2006	69,0	10,5	10,3	6,8	3,4	100
2007	69,6	11,8	9,6	5,2	3,8	100
2008	74,1	12,3	5,3	7,9	0,3	100
2009	69,8	10,5	13,9	5,4	0,4	100
2010	69,7	9,7	14,8	3,6	2,3	100
2011	73,5	10,3	10,6	4,2	1,6	100
2012	74,2	11,1	9,9	4,8	0,0	100
2013	73,6	11,7	9,8	4,2	0,7	100
2014	75,3	11,8	6,9	5,8	0,2	100
2015	71,3	11,2	14,1	4,2	-0,8	100

* включая покупку недвижимости, изменения на счетах предпринимателей и задолженности по кредитам

Источник: официальные данные Росстата

*including purchase of estates, changes on the entrepreneurs' banc accounts, and credits debts

Source: Rosstat official data

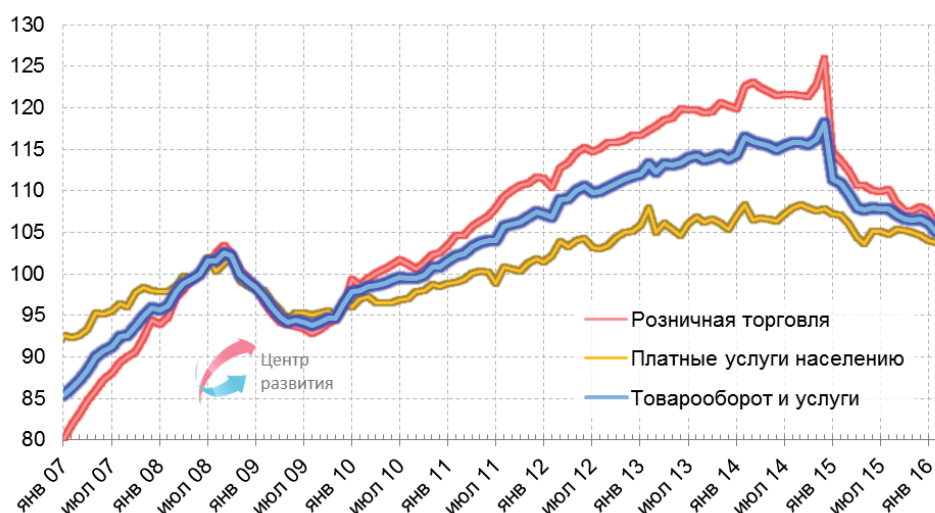

Рис. 2. Динамика товарооборота и платных услуг населению (сезонность устранена, 100 = 2008 г.)

Источник: Комментарии о государстве и бизнесе № 113. 28 апреля-19 мая 2016. Институт «Центр развития» НИУ «Высшая школа экономики». С. 37

Fig. 1. GDP, cash revenues, wages, and pensions dynamics in 1992-2015 (1991 = 100%), December data

Source: the calculations of the Institute of Social Politics, Higher School of Economics, based on the official data by Rosstat

Очевидная тенденция экономии на потреблении и высокие сбережения указывают на то, что сектор домашних хозяйств выходит из «голландской болезни» сверхпотребления.

Для того чтобы понять, что происходило в области потребления товаров и услуг, обратимся к данным об объеме розничной торговли и предоставлении платных услуг. В статистике розничная торговля учитывается с точки зрения продовольственных и непродовольственных товаров, и доля продовольственных товаров в рассматриваемый период колебалась в пределах 42-48%. Динамика оборота потребительских товаров и услуг, приведенная к сопоставимому виду в ценах января 2007 г., представлена на рис. 2. Все рассматриваемые показатели достигли «дна» в 1992 г., затем последовало восстановление, причем оборот услуг восстановился практически в полном объеме, но эта тенденция была прервана кризисом 1998-го. Этап экономического роста, как и в случае с доходами, сопровождался высокими темпами восстановления рынка потребительских товаров и услуг, а объем последних рос опережающими темпами.

В целом за постсоветский период объем платных услуг, предоставляемых населению, вырос в реальном выражении почти в два раза, тогда как объем розничной торговли увеличился в 1,2 раза. Темпы роста продовольственного товарооборота увеличивались быстрее, чем объемы розничной торговли непродо-

вольственными товарами. Но факт того, что это происходит на фоне сокращения объемов потребления из личного подсобного хозяйства (которое в 1990-е г. структурных реформ стало важным ресурсом выживания для многих российских домохозяйств), свидетельствует о формировании более современной потребительской модели. Нужно отметить явное смещение потребления в сторону услуг, что косвенно подтверждает движение от модели выживания к модели устойчивого развития, в рамках которой есть возможности для инвестиций в образование и здоровье, что формирует совсем другое качество человеческого капитала. Однако эта позитивная тенденция была приостановлена в 2014 г. Как показывает динамика товарооборота и платных услуг населению в динамике 2007-2016 гг., в настоящее время (май 2016) потребительский спрос в России остается очень слабым (рис. 2). Платные услуги населению продолжают находиться в состоянии стагнации, начавшейся примерно год назад (в 2015). Розничный товарооборот стабильно падает, что было обусловлено завершением очередной, четвертой с начала 2014 г., волны потребительского ажиотажа на фоне ослабления рубля. Факт наличия в этот период ажиотажа подтверждается характерным временным ростом спроса населения на непродовольственные товары в декабре 2014 — январе 2015 гг. (рис. 2), когда курс рубля обновил исторические минимумы при стабильном спросе на продовольствие.

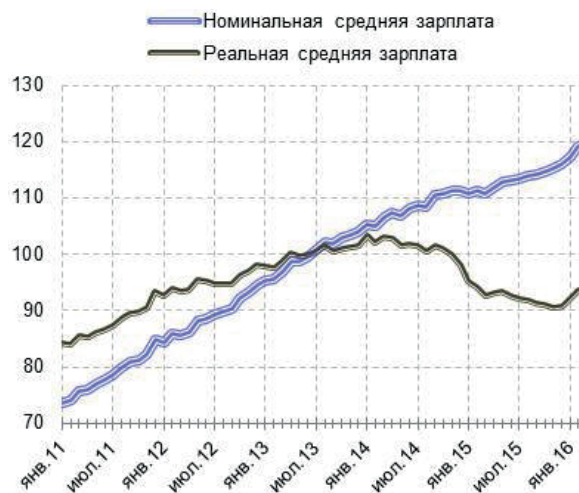

Рис. 3. Динамика номинальной и реальной средней заработной платы, сезонность устранена, 2013 = 100

Источник: CEIC Data, расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ

Комментарии о государстве и бизнесе № 112. 15-27 апреля 2016 г. Институт «Центр развития» НИУ «Высшая школа экономики». С. 23

Fig. 3. Dynamics of the nominal and real average wage, seasonally adjusted, 2013 = 100

Source: CEIC Data, calculations of the “Development Center” Institute, Higher School of Economics

Комментарии о государстве и бизнесе no 112. April 15-27, 2016. The Institute of Social Politics, Higher School of Economics. P. 23

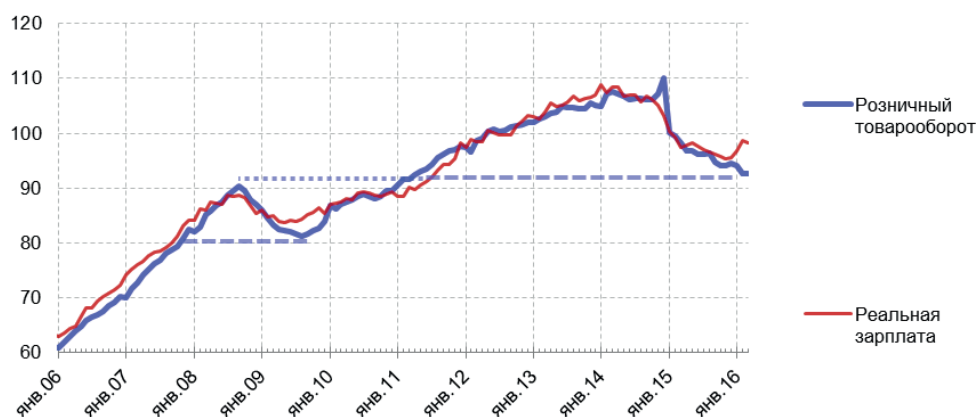

Рис. 4. Динамика розничного товарооборота и средней зарплаты в реальном выражении (2012 = 100, сезонность устранена)

Источник: CEIC Data, расчеты Института «Центр развития» НИУ ВШЭ

Комментарии о государстве и бизнесе № 112. 15-27 апреля 2016 г. Институт «Центр развития» НИУ «Высшая школа экономики». С. 24

Fig. 4. Dynamics of retail sales and the average wage in real terms (2012 = 100, seasonally adjusted)

Source: CEIC Data, calculations of the “Development Center” Institute, Higher School of Economics

Комментарии о государстве и бизнесе no 112. April 15-27, 2016. The Institute of Social Politics, Higher School of Economics. P. 24

Статистика потребления с каждым месяцем все сильнее расходится со статистикой зарплат в реальном выражении. Как показано на рис. 3, графики динамики номинальной и реальной средней заработной платы пересеклись в июле 2013 г., после чего номинальная зарплата пошла резко вверх, а реальная — резко вниз, тем самым образовав очевидные разрывы в денежных доходах населения. На рис. 4 показана динамика розничного товарооборота и средней зарплаты в реальном выражении, демонстрирующая, что после января 2015 г. эти два графика пошли резко вниз. Это означает ухудшение денежного и материального положения населения России. В последние три года (2014-2016) происходит медленное ухудшение средней структуры текущего потребления, сопровождающееся ростом доли расходов на питание, который составляет порядка 2% от совокупных расходов домохозяйств или 4% от потребительских расходов.

Для понимания проблемы денег как социальной реальности (*realite social*) имеет особое значение анализ «денежного самочувствия» и денежных затрат. Данные о расходах считаются наиболее надежным показателем для оценки неравенства на основе результатов выборочных обследований населения, особенно в период структурных реформ, и более устойчивым — к случайным колебаниям. Учитывая дифференциацию доходов в России, рассмотрим динамику изменения доходов по 10-процентным (децильным) и 20-процентным (квинтильным) группам [см.: Приложения к данной статье — детальные данные

Росстата по группам товаров и услуг за 2013-2015 гг.]. По показателю реальных денежных доходов домохозяйства из третьей квинтильной группы лишь к 2007 г. достигли уровня 1991-го, а доходы домохозяйств из двух нижних квинтильных групп по-прежнему находятся ниже данного уровня.

Пятый квинтиль (лица с самыми высокими доходами и сверхдоходами), напротив, значительно оторвался от остальных домохозяйств, нарастив доходы более чем в два раза. Это означает, что гипотеза о массовой смене потребительской модели может не пройти тест на неравенство доходов, поскольку положительные изменения происходят лишь у высокодоходных групп [18, с. 16]. Дифференциация по низко- и высокодоходным группам имеет принципиальное значение для понимания проблемы денег как социальной реальности и тех заключений, которые делаются в нашей статье. На основании тщательных статистических и собственных репрезентативных социологических исследований, Л. Овчарова со своей командой ученых из НИУ ВШЭ пришла к фундаментальному выводу: стратегии формирования доходов, основанных на новых, по сравнению с советским периодом, источниках денежных поступлений, доступны максимум 8% российского населения, и за последние годы каких-либо значимых институциональных и экономических изменений, расширяющих их круг, не происходило. Лишь 10% домохозяйств получают доходы от личного подсобного хозяйства, и в большинстве случаев эти семьи никак не попадают в два верхних квинтиля распределения по доходам [18, с. 13, 15]. Это означает, что стратегические решения по поводу денег могут принимать представители высшей власти, находящиеся в самой вершине пирамиды в высшей 10-% доходной группе, куда относится «избранная элита» российского общества.

Обсуждение результатов

В данной статье была осуществлена попытка применить культурно-исторический подход к решению научной проблемы, состоящей в том, что в настоящее время (лето 2016), по мнению авторов, происходит архаизация самой сердцевины структуры государственной власти, денег и социетального порядка России, в основе которых заложена присущая данному обществу политическая культура, которая помогает основным игрокам вырабатывать особые, идеологически нагруженные смыслы, формировать и воплощать парадигмы финансово-денежной, инвестиционной и промышленной политики в России. В статье подчеркивается важность символической борьбы в процессе формирования институтов, которые оказываются социокультурными образованиями и паттернами макроакторов, принимающих ключевые и стратегические решения в отношении денег, финансовых потоков, инвестиций, когда инвестиционная деятельность понимается как комплексная ситуация, когда весь бизнес должен вкладывать деньги и получать максимальную отдачу.

Проблема денег как социальной реальности в современной России обусловлена и социетальными макроуровневыми контекстами, задающими будущее развитие, и теми реальными действиями макроакторов, которые детерминируют

своими решениями в денежной сфере структурные перестройки для того, чтобы выйти на траекторию нового развития для создания современной экономики. Как показывает экономическая история, причиной пересмотра промышленной и денежной политики могло стать отсутствие ожидаемого результата (анализ фактов расхищения государственных средств, направляемых на развитие железных дорог в США в XIX в.), либо подтверждения на практике заложенных в политику причинно-следственных связей (в Великобритании потерпела неудачу попытка повысить уровень безопасности железных дорог в XIX в., когда предавалась огласке информация о чрезвычайных происшествиях). В обоих случаях создавалась новая политическая стратегия после того, как новая политика и предполагаемые ею причинно-следственные связи были институционализированы, и представители элиты начинали влиять на выбор политики в дальнейшем сами [11, с. 55]. Эти примеры исторической и социально-экономической укоренности социальных действий имеют значение для России — особенно в контекстах последних денежных скандалов (офшоры в Панаме) [7, 19].

Парадигма промышленной политики, сложившаяся в современных российских отраслях промышленности, по большому счету не порывала с укорененными традициями экономического развития. Его корни можно найти в исторически предшествовавшей России политике строительства каналов, шоссе, производстве вооружений в целом ряде производственных отраслей СССР по образцам экономики Главного управления исправительно-трудовых лагерей (ГУЛАГа), когда о привлечении частного капитала не могло быть и речи. Российское государство учредило государственные монополии на все основные средства производства, где четко и рационально учитывается непосредственная связь между теми деньгами, которые в проекты вкладываются, и доходами, которые они затем приносят. Стремясь защитить особо важные отрасли от губительного воздействия колебаний рынков и безрассудства предпринимателей, российское государство в начале XXI в. установило контроль над существенными сегментами таких ключевых отраслей, как добыча полезных ископаемых, производство электроэнергии, нефтяная и газовая промышленность, судостроение, наземные и воздушные перевозки, производство вооружений, строительство, банковская деятельность, страхование, и распространило свою опеку практически на все ключевые отрасли современного среднего и крупного бизнеса, а также так называемых мегапроектов.

При этом мошенничество и коррупция охватили практически всю современную российскую индустрию и торговлю (так, согласно нашим исследованиям ритейла, денежные потоки должны быть перепрофилированы на крупные торговые сети, которые неформально финансируют властные структуры). Политики, чиновники и вежливые люди из властных структур при этом воспроизводят положение привилегированных групп и групп интересов, что отражается также в денежных потоках, которые служат примерами присущих современности разъединяющих механизмов (*disembedding mechanisms*). Достигая сферы личных отношений, деньги неизбежно меняют их в направлении инструментальной

рациональности. В качестве альтернативной существует дифференцированная модель денег, показывающая, как они постоянно формируются и переформируются посредством множества сетей социальных отношений и разнообразных смысловых систем. Классикам экономической социологии несложно было распознать и показать очевидные экономические последствия денежной монетаризации экономики: осуществление транзакций на больших расстояниях, развитое разделение труда, неравенство и установление господства той или иной группы. При этом классики указывали также и на огромную роль денег в изменении качества социальной жизни.

Представленный нами анализ динамики различий в потреблении децильных групп показал, что действительное изменение качества социальной жизни произошло только в верхних группах — наиболее обеспеченных слоях населения. Следуя веберовской традиции и основываясь на положении М. Вебера о денежных приоритетах в западной культуре рационализации, которая сама по себе принимает сквозной и формальный характер, подчиняя все сферы жизни общества и отдельного человека единой логике, мы утверждаем, что деньги как наиболее адекватное выражение этой логики стали универсальным средством оценки и в российской практике, и в российской власти. Лишь с помощью денег приводятся к общему знаменателю и сопоставляются друг с другом вещи, ранее несопоставимые и несводимые друг к другу — профессиональное мастерство, успех в бизнесе, успех в политике. Смысл существования современной российской политической системы состоит в том, что эта система может жить только при постоянной подпитке деньгами. Вместе с тем денег становится все меньше, а «суперпроектов» — все больше.

Через процессы кредитования и инвестирования деньги стали одним из первостепенных инструментов повышения уровня власти, равно как и совершенствования обмена в системе разделения труда и производства. При этом задействуются фундаментальные и универсальные свойства денег: их способность повышать через механизм кредита производительность экономики [19, с. 45, 105]. Как показывают мировые данные по инвестициям, суммарный мировой объем прямых иностранных инвестиций, т. е. денег, вложенных в зарубежный бизнес любых направлений хозяйственной деятельности, вырос с 50 млрд долларов в 1980 г. до 1900 млрд долларов в 2007 г. (хоть в результате мирового экономического кризиса этот показатель и упал в 2010 г. до 1400 млрд долларов). Из общей суммы в 2010 г. порядка 4% инвестиций были связаны с производственными проектами. Значительная часть этих денег была направлена на финансирование новых заводов и сетей дистрибуции. Росту инвестиций способствовало снижение торговых барьеров, упрощение перемещений и коммуникаций, а также продолжение долгосрочной тенденции снижения стоимости перевозок. Мощный стимул поступил в результате падения коммунизма в России и других странах Восточной Европы, а также ослабления государственного регулирования в таких странах, как Индия [17, с. 126]. В свете представленных мировых тенденций развития вложения денег и инвестиций в

России не используется (с точки зрения интересов всеобщего блага) контролирующая функция денег для влияния на размещение ресурсов в современных рыночных условиях, что приводит к интерпретациям сущности российского бюджета как юридическо-финансовой структуры для превращения всех денег, имеющихся в стране, в личные деньги верхушки административного сословия. При этом все понимают, чувствуют и видят, что деньги и власть институционально укоренены в «жизненном мире» населения, и что движущий механизм общественного хозяйства управляется деньгами, которые укоренены в жизненном мире через институты власти и управления. На российских примерах подтверждается вывод Ю. Хабермаса о том, что существует движущий механизм общественного хозяйства, который управляется деньгами, укорененным и в жизненном мире через институты. Создается «роковая иллюзия», будто деньги представляют собой столь значимую цель, которой оправдываются абсолютно аморальные, антигуманные, антиобщественные средства. Неограниченная экспансия денег не просто отделяет человека от вещей и предметного космоса, она отделяет его и от аксиологического универсума, лишая самодостаточности [14, с. 18].

Выводы

1. Не может быть никакого экономического развития без денег, особенно денег «в долгую». Сначала инвестиции, т. е. деньги, потом товар, потом снова деньги — все по классической схеме ведения рационального, эффективного бизнеса К. Маркса, которая до сих пор не устарела. Российский бизнес сегодня фактически лишен этих инвестиций: так, Россия не может брать деньги «по импорту», у нас самый низкий показатель закредитованности корпоративного сектора среди всех крупных экономически развитых стран.

2. Парадокс экономического развития современной России состоит в том, что экономика сама не хочет развиваться: так, если бы наша экономика пыталась развиваться, то через два-три года мы начали бы задыхаться от отсутствия внешних капиталов, которые бизнесменам «запретили брать». Она «не собирается» развиваться, ей «не нужны» эти деньги. Сейчас выставляются оферты на предварительное погашение бондов, потому что деньги некуда девать, вкладывать, а банкам некого кредитовать. Никто не хочет в этих условиях, в этой политико-экономической ситуации развивать бизнес. Парадокс состоит в том, что российские банки и компании, наоборот, пытаются отдать деньги в инвестиции и кредиты, потому что у них их слишком много.

3. Важным параметром ведения бизнеса является защита интересов инвесторов. Опыт показывает, что денежные/финансовые рынки процветают там и тогда, где законы карают за «жульничество» и нечистоплотность. Поэтому в развитых странах существуют жесткие требования к раскрытию информации, и у инвесторов есть возможность действовать через суд. Россия по показателю защиты интересов инвесторов занимает одно из последних мест в мире. В России деньги «не пускаются» на развитие нормальных высокотехнологич-

ных постиндустриальных отраслей, на которых сосредоточился весь развитый мир. Этот аспект отражает также ситуацию того, что в России группы, заинтересованные в создании настоящей частной собственности, подавляются, в то время как те, что заинтересованы в воспроизводстве новой системы власти-собственности, в настоящее время обладают наибольшей реальной властью и наибольшими деньгами. Это сложилось в начале XXI в. и значительно усилилось сейчас, что демонстрирует зависимость от траектории предшествующего развития.

4. Понимание того, как деньги проявляются в социальной реальности (*realite social*), в различных формах экономического поведения групп интересов, и как они обеспечивают социальное воспроизводство различных групп общества являлось одной из основных задач данной статьи. Анализ данных по статусным и децильным группам показал, что после введения санкций и контрсанкций больше всего пострадали беднейшие слои, у которых и так мало денег, но становится еще меньше (в основном из-за высокой продуктовой инфляции). Плохо становится среднему классу, который потребляет услуги, которые дорожают. У данного класса запросы намного больше, чем у бедных. Средний-низший класс проваливается в бедность, а средний-средний класс проваливается в низший средний. Люди в массовом порядке очень быстро вернулись в культуру бедности. Средний класс совсем недавно покупал квартиру, машину, еду и одежду; потом перестал покупать квартиру, а только товары длительного пользования, еду и одежду; потом перестал покупать товары длительного пользования, осталась еда и одежда; перестал есть рыбу, стал есть курятину. И чем хуже живут люди, тем больше они надеются на государство, что оно им поможет.

5. Социальная реальность восприятия денег у высших классов практически не изменилась. Динамика различий в потреблении децильных групп показала, что действительное улучшение качества социальной жизни произошло только в верхних группах — наиболее обеспеченных слоях населения. Деньги как самое адекватное выражение их логики жизни стали универсальным средством и оценки власти. Лишь с помощью денег приводятся к общему знаменателю и сопоставляются друг с другом вещи, ранее несопоставимые и несводимые: успех в политике и успех в бизнесе. Смысл самого существования современной российской политической системы состоит в том, что она может жить только при постоянной подпитке деньгами. Вместе с тем денег становится все меньше, а «суперпроектов» — все больше.

6. В целом углубляется контекст архаизации сердцевины структуры государственной власти, денег и социетального порядка России, в основе которых заложена присущая элитам политическая культура, которая помогает им вырабатывать особые, идеологически нагруженные смыслы, формировать и воплощать парадигмы финансово-денежной, инвестиционной и промышленной политики. Современная экономика России такова, что если большие деньги куда-то и вливаются, то структурные диспропорции лишь усиливаются. Постсоветская долговая модель была и остается моделью функционирования круп-

ных фирм, которые имеют большой административный ресурс. С его помощью они получают кредиты в тех банках, на которые крупные чиновники и бюрократы могут оказывать существенное давление. Это та долговая модель, при которой крупные и влиятельные владельцы своих бизнесов могут брать деньги в банках и потом тратить их неэффективно с точки зрения общественного блага. Политическая культура элиты таких моделей определяет характер промышленных и хозяйственных стратегий в России за счет того, что задает спектр проблем, связанных с деньгами и властью, актуальных для воспроизводства всей нации, и одновременно ограничивает набор эффективных решений с позиций общего блага. Российский тип денежных и политических институтов создает зависимость от предшествующего развития, эффекта колеи: зависимость от прошлого мешает выбрать правильный путь. Происходит исчерпание экономического роста из-за того, что тот основан на экстрактивных институтах выжимания денежной ренты.

7. Оффшорные панамские скандалы весны 2016 г. продемонстрировали реальные жизненные миры и работу денежных схем их владельцев самого высшего класса — элиты российского общества. «Панамские документы» [7, 23] показали наиболее ясно, чем когда-либо, как чиновники и бюрократы извлекали деньги из государственных компаний и перекладывали их в собственный карман, создавая непрозрачные структуры, которые на практике не имеют никакого отношения к бизнесу. Происходит деоффшоризация не только бизнеса, но и самих политиков. В итоге вся экономика не в состоянии генерировать рост, потому что велика роль государственных корпораций и монополий, которые в основном поглощают ресурсы, особенно денежные.

8. Деньги и инвестиции не идут в нестабильную ситуацию, что определяется также все большим сужением радиуса доверия бизнеса и гражданского общества к власти. Как только доверие утрачивается (радиусы доверия сужаются), инвесторы перестают вкладывать свои деньги в перспективные сегменты бизнеса, перестают рисковать. Природа мировой современной экономики такова, что она требует трансграничной кооперации на основе международных рынков, где те являются драйверами роста. В России таким «драйвером роста» пытаются сделать государственный бюджет, что приводит к жизненной ситуации, когда «Денег нет. Но вы держитесь» [10].

9. Проведен анализ периодов социальной политики выживания (1991-1999), быстрого экономического роста и наращивания ресурсной базы (2000-2014) и длинного экономического кризиса (начиная с 2015 г.), с которым связаны не только трудности, но и новые возможности по консолидации и сотрудничеству государства, бизнеса и гражданского общества. Однако их освоению подчас препятствуют несостоятельное отождествление проблем современного периода с проблемами периода выживания и не всегда с рациональными решениями, характерными для прошедшего периода развития наращивания ресурсной базы. Деньги, как правило, быстро конвертируются в политическую власть, но когда денег становится все меньше, власть стремится к латиноамериканскому типу:

когда есть супербогатые, маленький средний класс, а остальные где-то внизу. Даже коммунисты сегодня считают, что России нужен малый и средний бизнес, что его должно быть много. Причем он должен состоять не только из бюрократов и служащих, а из лиц свободных профессий, малых и средних предпринимателей, которые свободно распоряжаются своими деньгами. Это — другое социальное измерение денег и другой социальный мир. В перспективе в стране должно быть несколько точек потенциального консенсуса по поводу того, чего хотелось бы добиться по поводу развития денег и инвестиций в России.

10. Прогноз до 2018 г. в рамках представленной концепции денег очевиден: в России будет воспроизводиться современный этакратической режим власти-собственности, когда денег и власти у правящих элит будет все меньше, но переизбрание президента в 2018 г. даст новый импульс для продолжения стагнации в длинном экономическом кризисе, но без доведения страны до венесуэльского варианта в силу самоподдержания и устойчивости рыночных механизмов, в которых роль и ценность денег в жизненных мирах различных групп населения будет возрастать. Возможен переход от концепции «коротких денег» к идеологии «долгих денег» в случае переориентации элиты от коротких горизонтов — к горизонтам длительным.

Приложения

Приложение 1

Зависимости от уровня среднедушевых располагаемых ресурсов, по 10-ти процентным (децильным) группам населения, IV квартал 2015 г., в %

Appendix 1

Dependence on the Level of per capita Available Resources, per 10% (Decile) Population Groups V Quarter of 2015

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Потребительские расходы	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе расходы:										
на покупку продуктов для домашнего питания	44,4	43,0	41,7	40,7	39,0	35,9	31,6	30,4	26,6	19,8
в том числе на:										
хлеб и хлебные продукты	8,5	7,6	6,9	6,5	6,0	5,3	4,5	4,2	3,5	2,9
картофель	0,6	0,5	0,5	0,5	0,5	0,4	0,3	0,3	0,2	0,2
овощи и бахчевые	2,3	2,2	2,3	2,2	2,3	2,0	2,0	1,9	1,6	1,2

Продолжение приложения 1

Appendix 1 (continued)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
фрукты и ягоды	2,9	2,9	2,9	2,9	2,9	2,7	2,5	2,2	2,2	1,5
мясо и мясные продукты	12,0	12,3	12,1	11,8	11,5	10,5	9,0	9,7	8,1	5,9
рыбу и рыбные продукты	2,5	2,7	2,6	2,8	2,7	2,7	2,5	2,3	2,0	1,7
молоко и молочные продукты	7,4	7,2	6,9	6,7	6,2	5,6	4,8	4,5	4,2	2,9
сахар и кондитерские изделия	2,7	2,6	2,6	2,6	2,5	2,4	2,1	1,9	1,8	1,2
яйца	0,9	0,8	0,8	0,7	0,6	0,6	0,4	0,4	0,3	0,3
масло растительное и другие жиры	0,9	0,8	0,7	0,7	0,7	0,6	0,6	0,4	0,4	0,3
чай, кофе, безалкогольные напитки и др. продукты питания	3,6	3,4	3,3	3,2	3,2	3,0	2,7	2,5	2,2	1,7
на питание вне дома	1,6	1,9	2,1	2,4	2,1	3,0	3,3	4,3	3,2	5,8
на покупку алкогольных напитков	1,2	1,4	1,7	1,6	1,7	1,8	2,0	2,3	1,9	1,8
на покупку непродовольственных товаров	24,8	27,5	29,0	29,9	31,5	34,4	37,5	37,9	41,0	45,7
в том числе на:										
одежду, обувь, белье и ткани	8,5	9,1	9,9	9,8	10,0	10,8	12,8	12,8	11,6	10,9
телерадиоаппаратуру, предметы для отдыха, увлечений	2,5	2,6	2,6	2,8	3,0	3,8	4,5	4,2	3,6	2,7
транспортные средства	0,3	0,4	0,8	0,7	0,8	1,0	1,4	2,0	5,1	15,8
мебель, домашнее оборудование, предметы для ухода за домом	1,9	2,6	2,8	3,1	4,2	4,7	4,4	4,7	6,2	4,8
строительные материалы	0,2	0,3	0,3	0,5	0,4	0,8	0,7	1,2	1,1	0,8
топливо	3,2	4,2	4,3	4,6	4,8	4,7	5,4	5,0	4,4	3,8
табачные изделия	1,6	1,6	1,6	1,5	1,4	1,3	1,3	1,1	0,9	0,8

Окончание приложения 1

Appendix 1 (end)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
медицинские товары, предметы гигиены	5,8	5,7	5,7	5,7	5,7	5,7	5,3	5,1	5,7	4,1
другие непродовольственные товары	0,8	0,9	1,1	1,1	1,2	1,6	1,7	1,8	2,5	2,0
на оплату услуг	28,1	26,2	25,5	25,3	25,7	24,9	25,5	25,1	27,3	26,9
в том числе на:										
жилищно-коммунальные услуги	15,8	14,2	13,0	12,3	11,1	10,0	8,5	8,1	7,5	7,1
из них оплата:										
жилья	1,0	1,1	1,0	1,4	1,3	1,2	1,1	0,9	1,3	2,5
электроэнергии	2,7	2,2	2,0	1,9	1,6	1,5	1,3	1,2	1,1	0,8
газа	2,0	1,6	1,6	1,3	1,2	1,1	1,0	1,0	0,8	0,6
центрального отопления	4,1	3,8	3,6	3,2	3,0	2,7	2,1	2,1	1,8	1,4
воды и др. коммунальных услуг	6,0	5,6	4,8	4,5	4,0	3,6	3,1	3,0	2,5	1,8
бытовые услуги	1,4	1,8	2,0	2,2	2,7	2,7	3,9	3,9	3,7	8,3
услуги учреждений культуры	1,2	1,3	1,4	1,6	1,7	2,2	3,2	3,2	6,1	2,7
услуги в системе образования	1,7	1,5	1,4	1,6	2,5	2,0	2,3	2,4	1,4	0,9
медицинские услуги	0,2	0,4	0,6	0,7	0,8	1,1	1,2	1,2	1,6	1,8
санаторно-оздоровительные услуги	0,0	0,0	0,0	0,0	0,0	0,1	0,2	0,2	0,2	0,1
услуги пассажирского транспорта	2,7	2,4	2,6	2,3	2,3	2,3	1,6	1,8	1,5	1,4
услуги связи	4,3	3,8	3,5	3,3	3,2	2,9	2,8	2,6	2,1	1,7
прочие услуги	0,7	0,7	1,0	1,1	1,5	1,6	1,9	1,8	3,2	2,9

Приложение 2

**Зависимости от уровня
среднедушевых располагаемых
ресурсов, по 10-ти процентным
(децильным) группам населения
IV квартал 2014 г., в %**

Appendix 2

**Dependence on the Level of per capita
Available Resources, per 10% (Decile)
Population Groups
IV Quarter of 2014**

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Потребительские расходы	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе расходы:										
на покупку продуктов для домашнего питания	44,7	41,4	39,4	36,4	36,6	35,3	31,7	28,8	24,2	15,3
в том числе на:										
хлеб и хлебные продукты	8,2	7,1	6,4	5,8	5,5	5,0	4,4	3,8	3,3	2,0
картофель	0,7	0,6	0,5	0,5	0,4	0,5	0,3	0,4	0,3	0,1
овощи и бахчевые	2,3	2,2	2,2	1,9	1,9	1,9	1,8	1,8	1,6	1,0
фрукты и ягоды	2,8	2,8	2,7	2,5	2,5	2,4	2,5	2,0	1,9	1,2
мясо и мясные продукты	12,9	12,2	12,0	11,2	11,6	11,6	10,1	9,4	7,8	4,7
рыбу и рыбные продукты	2,7	2,5	2,4	2,3	2,5	2,6	2,6	2,3	1,9	1,4
молоко и молочные продукты	7,4	6,9	6,6	6,0	5,9	5,4	4,8	4,3	3,6	2,2
сахар и кондитерские изделия	2,6	2,5	2,3	2,2	2,2	2,2	2,0	1,8	1,4	0,9
яйца	0,9	0,8	0,7	0,6	0,6	0,5	0,5	0,4	0,3	0,2
масло растительное и другие жиры	0,8	0,7	0,6	0,6	0,6	0,5	0,4	0,4	0,3	0,2
чай, кофе, безалкогольные напитки и др. продукты питания	3,4	3,1	3,0	2,8	2,9	2,7	2,3	2,2	1,8	1,4
на питание вне дома	0,9	1,2	1,6	2,2	2,0	1,6	2,7	3,3	4,3	3,9
на покупку алкогольных напитков	1,3	1,5	1,7	1,5	1,8	1,9	1,9	2,4	2,0	1,8
на покупку непродоволь- ственных товаров	25,5	28,9	31,6	35,0	34,7	36,1	38,9	42,5	47,8	61,1
в том числе на:										
одежду, обувь, белье и ткани	8,6	9,5	9,5	9,9	10,5	11,6	12,4	13,7	11,8	8,3

Окончание приложения 2

Appendix 2 (end)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
телерадиоаппаратуру, предметы для отдыха, увлечений	2,5	3,1	3,8	3,8	4,6	4,4	5,3	5,0	4,1	3,4
транспортные средства	0,2	0,5	0,5	0,8	0,9	1,0	1,9	3,3	13,1	34,4
мебель, домашнее оборудование, предметы для ухода за домом	2,3	3,5	5,2	7,3	5,5	5,2	5,9	7,4	7,1	5,9
строительные материалы	0,3	0,3	0,3	0,4	0,8	0,6	0,9	1,1	1,0	1,0
топливо	3,4	3,9	4,1	4,8	4,3	4,3	4,7	4,8	3,8	2,6
табачные изделия	1,6	1,6	1,5	1,4	1,3	1,3	1,1	0,8	0,8	0,6
медицинские товары, предметы гигиены	5,7	5,5	5,5	5,3	5,4	6,1	5,2	4,6	4,5	3,2
другие непродовольственные товары	0,9	1,0	1,2	1,3	1,4	1,6	1,5	1,8	1,6	1,7
на оплату услуг	27,6	27,0	25,7	24,9	24,9	25,1	24,8	23,0	21,7	17,9
в том числе на:										
жилищно-коммунальные услуги	15,5	14,3	13,1	11,6	11,0	10,0	8,7	7,5	6,4	5,3
из них оплата:										
жилья	1,2	1,2	1,3	1,0	1,3	1,1	0,8	0,9	0,9	1,8
электроэнергии	2,5	2,2	1,9	1,8	1,7	1,4	1,3	1,1	0,9	0,6
газа	2,1	1,8	1,6	1,4	1,3	1,2	0,9	0,8	0,6	0,4
центрального отопления	3,8	3,6	3,4	3,1	2,8	2,6	2,3	1,8	1,6	1,1
воды и др. коммунальных услуг	5,9	5,5	4,9	4,3	3,9	3,7	3,4	2,9	2,4	1,4
бытовые услуги	1,5	1,8	1,9	2,1	2,2	3,0	3,2	3,5	2,6	2,2
услуги учреждений культуры	0,9	1,3	1,2	1,3	1,6	1,6	2,4	2,5	3,2	2,1
услуги в системе образования	1,7	1,6	1,6	2,1	1,9	1,6	2,3	2,0	1,8	0,7
медицинские услуги	0,4	0,5	0,7	0,8	0,9	1,2	1,2	1,6	1,9	1,5
санаторно-оздоровительные услуги	0,0	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1	0,2	0,3	0,2	0,1
услуги пассажирского транспорта	2,8	2,8	2,7	2,5	2,6	2,6	2,1	1,7	2,0	1,4
услуги связи	4,3	4,0	3,7	3,5	3,3	3,1	2,9	2,6	2,1	1,5
прочие услуги	0,5	0,7	0,7	0,9	1,3	1,9	1,8	1,3	1,5	3,1

Приложение 3

Appendix 3

**Зависимости от уровня среднедушевых
располагаемых ресурсов, по 10-ти
процентным (децильным) группам
населения IV квартал 2013 г., в %**

**Dependence on the Level of per capita
Available Resources, per 10% (Decile)
Population Groups
IV Quarter of 2013**

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Потребительские расходы	100	100	100	100	100	100	100	100	100	100
в том числе расходы:										
на покупку продуктов для домашнего питания	43,2	41,6	39,4	36,7	35,9	32,6	27,3	24,9	21,1	15,3
в том числе на:										
хлеб и хлебные продукты	8,1	7,1	6,5	5,7	5,5	4,7	3,9	3,5	2,9	2,2
картофель	0,7	0,6	0,6	0,5	0,5	0,4	0,3	0,3	0,2	0,2
овощи и бахчевые	2,2	2,1	2,1	1,8	1,9	1,7	1,5	1,3	1,2	1,0
фрукты и ягоды	2,8	2,7	2,7	2,6	2,5	2,4	2,0	1,9	1,7	1,2
мясо и мясные продукты	12,0	12,3	11,7	11,6	11,0	10,2	8,3	7,7	6,5	4,5
рыбу и рыбные продукты	2,6	2,5	2,5	2,4	2,5	2,3	2,0	1,9	1,8	1,3
молоко и молочные продукты	7,2	6,9	6,4	5,8	5,6	5,1	4,4	3,8	3,1	2,1
сахар и кондитерские изделия	2,5	2,5	2,4	2,3	2,2	2,1	1,9	1,6	1,3	1,1
яйца	1,0	0,8	0,8	0,6	0,6	0,5	0,4	0,4	0,3	0,2
масло растительное и другие жиры	0,9	0,7	0,7	0,6	0,6	0,5	0,5	0,4	0,3	0,2
чай, кофе, безалкогольные напитки и др. продукты питания	3,2	3,4	3,0	2,8	3,0	2,7	2,1	2,1	1,8	1,3
на питание вне дома	1,2	1,3	1,7	2,1	1,9	2,2	3,7	3,6	4,3	3,6
на покупку алкогольных напитков	1,4	1,5	1,7	1,7	1,7	1,7	2,5	1,8	1,8	1,5
на покупку непродовольствен- ных товаров	25,4	28,0	30,3	34,8	34,7	37,6	39,4	43,9	45,2	59,3
в том числе на:										
одежду, обувь, белье и ткани	8,7	10,1	10,7	14,2	11,6	12,8	12,2	12,7	11,4	8,9
телерадиоаппаратуру, предме- ты для отдыха, увлечений	2,4	2,9	3,4	3,4	4,0	4,6	5,2	4,7	3,8	2,8

Окончание приложения 3

Appendix 3 (end)

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
транспортные средства	0,2	0,4	0,7	0,9	1,2	1,8	2,6	5,2	9,8	30,1
мебель, домашнее оборудование, предметы для ухода за домом	2,1	2,9	3,6	3,8	5,2	5,3	5,8	7,8	7,2	6,8
строительные материалы	0,3	0,3	0,4	0,4	0,6	0,8	0,8	1,9	1,5	1,3
топливо	3,6	3,5	3,6	4,2	4,1	4,3	4,8	4,2	4,0	2,7
табачные изделия	1,6	1,4	1,4	1,4	1,2	1,1	1,3	0,9	0,6	0,5
медицинские товары, предметы гигиены	5,6	5,5	5,4	5,3	5,5	5,4	5,0	4,8	5,2	4,4
другие непродовольственные товары	0,9	1,0	1,1	1,2	1,3	1,5	1,7	1,7	1,7	1,8
на оплату услуг	28,8	27,6	26,9	24,7	25,8	25,9	27,1	25,8	27,6	20,3
в том числе на:										
жилищно-коммунальные услуги	16,2	14,8	13,4	12,2	11,4	9,9	8,3	7,6	6,8	5,3
из них оплата:										
жилья	1,2	1,3	1,1	1,2	1,3	1,0	0,7	0,6	1,3	1,6
электроэнергии	2,7	2,2	2,0	1,9	1,7	1,4	1,2	1,2	1,0	0,7
газа	2,3	1,8	1,7	1,4	1,3	1,1	0,9	0,7	0,6	0,5
центрального отопления	3,8	3,8	3,5	3,2	3,0	2,7	2,2	1,8	1,6	1,0
воды и др. коммунальных услуг	6,2	5,7	5,1	4,5	4,1	3,7	3,3	3,3	2,3	1,5
бытовые услуги	1,6	1,8	1,9	2,1	2,4	2,7	3,2	5,6	3,5	3,1
услуги учреждений культуры	1,1	1,1	1,4	1,0	1,5	1,7	4,8	2,3	5,3	2,9
услуги в системе образования	1,7	1,6	1,6	1,5	1,7	1,8	2,1	2,9	2,8	0,5
медицинские услуги	0,3	0,5	0,7	0,9	0,9	1,6	1,7	1,1	1,9	2,3
санаторно-оздоровительные услуги	0,0	0,0	0,1	0,0	0,2	0,2	0,1	0,2	0,2	0,4
услуги пассажирского транспорта	2,8	3,0	3,1	2,6	2,7	3,2	2,2	1,7	2,0	1,5
услуги связи	4,7	4,2	3,9	3,6	3,6	3,3	3,0	2,6	2,3	1,6
прочие услуги	0,4	0,6	0,8	0,8	1,4	1,5	1,7	1,8	2,8	2,7

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аузан А. Начинает пахнуть застоём / А. Аузан // Ведомости. 2016. 9 июня.
2. Берзон Н. И. Зависимость риска и доходности активов от временного горизонта инвестирования / Н. И. Берзон // Университетское управление: практика и анализ. 2008. № 3. С. 65-72.
3. Вебер М. История хозяйства. Очерк всеобщей социальной и экономической истории / М. Вебер. Петроград: Наука и школа. 1923. 240 с.
4. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма / М. Вебер // Избранные произведения. М: Прогресс, 1990. С. 61-272.
5. Веблен Т. Теория праздного класса: экономическое исследование институций / Т. Веблен; пер. с англ.; вступ. статья С. Г. Сорокиной; общ. ред. В. В. Мотылева. М.: Изд-во «Прогресс». 1984. 365 с.
6. Вебер М. Социологические категории экономического действия. Хозяйство и общество (гл. II) / М. Вебер; сост. и науч. ред. В. В. Радаев; пер. М. С. Добряковой и др. // Западная экономическая социология: хрестоматия современной классики. М.: РОССПЭН. 2004. С. 59-81.
7. «Виртуозная спекуляция. Продолжение “Панамского досье”: Как офшоры заработали сотни миллионов рублей на торговле акциями банка “Россия”, а государство — потеряло миллиарды» // Новая газета. 2016. 28 мая.
8. Восленский М. С. Номенклатура. Господствующий класс Советского Союза / М. С. Восленский. М.: «Советская Россия», МП «Октябрь», 1991. 624 с.
9. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология / Э. Гуссерль. М.: Изд-во «Владимир Даль», 2004. 403 с.
10. «“Денег нет, но вы держитесь”»: Дмитрий Медведев отвечает на вопрос о пенсиях». 2016. 23 мая. URL: https://tvrain.ru/articles/deneg_net_no_vy_derzhites-409924/
11. Доббин Ф. Формирование промышленной политики: Соединенные Штаты, Великобритания и Франция в период становления железнодорожной отрасли / Ф. Доббин; пер. с англ. Е. Б. Головляничиной; науч. ред. В. В. Радаев. М.: Изд. дом Высш. шк. экономики, 2013. 368 с.
12. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в IV квартале 2014 года (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). М.: Федеральная служба государственной статистики, 2015. 89 с.
13. Доходы, расходы и потребление домашних хозяйств в IV квартале 2015 года (по итогам выборочного обследования бюджетов домашних хозяйств). М.: Федеральная служба государственной статистики, 2016. 87 с.
14. Зарубина Н. Н. Деньги как социокультурный феномен: пределы функциональности / Н. Н. Зарубина // Социологические исследования. 2005. № 7. С. 13-21.
15. Зиммель Г. Философия денег / Г. Зиммель; пер. с нем.; общ. ред. А. Ф. Филиппова // Теория общества. Сборник. М.: «КАНОН-пресс», 1999. С. 125-153.
16. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 года. // Маркс К. Полн. собр. соч. / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Гос. изд. полит. лит. 1958 (1974). Т. 42. С. 41-174.
17. Марш П. Новая промышленная революция. Потребители, глобализация и конец массового производства / П. Марш; пер. с англ. А. Шоломицкой. М.: Изд-во Института Гайдара, 2015. 420 с. (Серия «Стратегии экономического развития» под эгидой Министерства экономического развития Российской Федерации).

18. Овчарова Л. От стандарта выживания к ответственному выбору / Л. Овчарова, А. Пишняк, Д. Попова, Е. Шепелева // *Pro et Contra*. 2013. № 6. С. 6-35.
19. Парсонс Т. Система современных обществ / Т. Парсонс; пер. с англ. Л. А. Седова, А. Д. Ковалева; ред. М. С. Ковалевой. М.: Аспект Пресс, 1997. 270 с.
20. Поланьи К. Семантика использования денег / К. Поланьи; под общ. ред. проф. Р. М. Нуреева // «Великая трансформация» Карла Поланьи: прошлое, настоящее, будущее. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ. 2006. С. 156-172.
21. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. URL: <http://www.hse.ru/rf/ms>
22. «Советник Путина предложил запустить печатный станок» // РБК. 2015. 21 октября.
23. Тетт Дж. «Панамское досье» может явить нам истинную картину мировых финансов / Дж. Тетт // *Financial Times*. 2016. 10 мая.
24. Флигстин Н. Архитектура рынков: экономическая социология капиталистических обществ XXI века / Н. Флигстин; пер. с англ. А. А. Куракина; под науч. ред. В. В. Радаева. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. 392 с.
25. Хабермас Ю. Отношения к миру и рациональные аспекты действия в четырех социологических понятиях действия / Ю. Хабермас // *Социологическое обозрение*. 2008. Том 7. № 1. С. 3-24.
26. Хабермас Ю. Философский дискурс о модерне / Ю. Хабермас; пер. с нем. М.: Издательство «Весь Мир», 2003. 416 с.
27. Хабермас Ю. Отношения между системой и жизненным миром в условиях позднего капитализма / Ю. Хабермас // *THESIS*. Весна 1993. Т. 1. Вып. 2. С. 123-136.
28. Хедлунд С. Невидимые руки, опыт России и общественная наука. Способы объяснения системного провала / С. Хедлунд; пер. с англ. Н. В. Автономовой; науч. ред. В. С. Автономова. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2015. 424 с.
29. Человеческий капитал как фактор социально-экономического развития. Ежегодный доклад о социальной политике. Краткая версия доклада: XVII Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 19-22 апр. 2016 г. / отв. ред. Я. И. Кузьминов, Л. Н. Овчарова, Л. И. Якобсон. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2016. 76 с.
30. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / А. Шютц; пер. с англ. А. Я. Алхасова, Н. Я. Мазлумяновой; науч. ред. Г. С. Батыгин. М.: Институт Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
31. *Экономика и жизнь*. 1992. № 10.
32. Ingham G. *The Nature of Money* / G. Ingham. Cambridge: Polity Press, 2004.
33. Jaques E. *The Forms of Time* / E. Jaques. London: Heinemann, 1982.
34. Simiand F. *La Monnaie, realite sociale* / F. Simiand // *Annales Sociologiques*. 1934. Ser. D. Pp. 1-86.

Vladimir A. DAVYDENKO¹

Daria V. LAZUTINA²

Elena S. KORCHEMKINA³

MONEY AS THE SOCIAL REALITY

¹ Dr. Sci. (Soc.), Professor,
Head of the Research Center of Financial and Economic Institute,
Tyumen State University
vlad_davidenko@mail.ru

² Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Director of Institute of Finance and Economics,
Tyumen state University
72ldv@mail.ru

³ Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor,
Head of the Department of Finance, Money Circulation and Credit,
Tyumen State University
dozlen@mail.ru

Abstract

The article attempts to present the notion of “money” from the point of view of the notions “social reality”, “life world”, and “everyday world” in the framework of the interconnected (paired) conceptual-categorical schemes “money power” by T. Veblen, “the understanding sociology” by M. Weber, “the intersubjectivity of the life-world” by A. Schutz, and “the discretionary time horizons” by E. Jacques. The scientific novelty of the article consists in the fact that the social reality through “the prism of money” is considered in line with the phenomenological methodology of “the life-worlds” of an individual and reference groups as a combination of “possible or actual horizons of human experience” (E. Husserl). The money being rooted in human consciousness and in its individual world in this case acts as the different instruments of equivalent exchange liquid resources necessary for its sustenance in the market economy, and therefore money has a unique value for the life-world. The empirical verifications of perceiving money as “the everyday world”

Citation: Davydenko A. D., Lazutina D. V., Korchemkina E. S. 2016. “Money as the Social Reality”. Tyumen State University Herald. Social, Economic, and Law Research, vol. 2, no 3, pp. 169-213.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-3-169-213

in the social reality are given from the point of view of the analysis of incomes, expenditures, and households consumption in different status (quintile and decile) groups on the basis of quarterly surveys of 48 600 households (2002-2016) carried out by Rosstat and based on representative panel studies by RLMS-HSE (1994-2014) according to the grounds of socioeconomic status (education, income, profession), and other Rosstat data. The article presents the analysis of perceiving money as a social reality by different Russian social groups in the periods of survival social policy (1991-1999.), increase in the resource base and rapid economic growth (2000-2013), the start of the long economic crisis 2014 up to the present 2016, and a forecast for the 2018.

Keywords

Money, social reality, life-world, discretionary time horizons.

DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-3-169-213

REFERENCES

1. Auzan A. 2016. Nachinaet pakhnut zastoem [It Starts to Smell with Stagnation]. *Vedomosti*, June 9.
2. Berzon N. I. 2008. "Zavisimost riska i dokhodnosti aktivov ot vremennogo gorizonta investirovaniya" [The Dependence of the Risk and the Return on Assets on the Time Horizon of Investment]. *Universitetskoe upravlenie: praktika i analiz*, no 3, pp. 65-72.
3. Dobbin F. 2013. Formirovanie promyshlennoy politiki: Soedinennyye Shtaty, Velikobritaniya i Frantsiya v period stanovleniya zheleznodorozhnoy otrasli [Formation of Industrial Policy: The United States, Britain and France in the Period of the Railway Sector]. Translated from English by Ye. B. Golovlyanitsina; edited by V. V. Radaev. Moscow: Higher School of Economics, Series: Sotsialnaya teoriya.
4. *Ekonomika i zhizn*. 1992, no 10.
5. Fligstin N. 2013. Arkhitektura rynkov: ekonomicheskaya sotsiologiya kapitalisticheskikh obshchestv XXI veka [Market Architecture: Economic Sociology Capitalist Societies of the XXI Century]. Translated from English by A. A. Kurakin; edited by V. V. Radaev. Moscow: Higher School of Economics, Series: Sotsialnaya teoriya.
6. Gusserl E. 2004. Krizis evropeyskikh nauk i transtsendental'naya fenomenologiya [The Crisis of European Sciences and Transcendental Phenomenology]. Moscow: Vladimir Dal.
7. Hedund S. 2015. Nevidimye ruki, opyt Rossii i obshchestvennaya nauka. Sposoby obyasneniya sistemnogo provala [Invisible Hands, Russian Experience, and Social Science: Approaches to Understanding Systemic Failure]. Translated from English by N. V. Avtonomova; edited V. S. Avtonomova. Moscow: Higher School of Economics, Series: Ekonomicheskaya teoriya.
8. Ingham G. 2004. *The Nature of Money*. Cambridge: Polity Press.
9. Jaques E. 1982. *The Forms of Time*. London: Heinemann.
10. Khabermas Yu. 1993. "Otnosheniya mezhdru sistemoy i zhiznennym mirom v usloviyakh pozdnego kapitalizma" [The Relationship between System and Life-World in the Conditions of Late Capitalism]. *THESIS*, spring, vol. 1, no 2, pp. 123-136.

11. Khabermas Yu. 2003. *Filosofskiy diskurs o modern* [The Philosophical Discourse of Modernity]. Translated from German. Moscow: Ves Mir.
12. Khabermas Yu. 2008. "Otnosheniya k miru i ratsional'nye aspekty deystviya v chetyrekh sotsiologicheskikh ponyatiyakh deystviya" [The Relationship to the World and Rational Aspects of Action in Four Sociological Concepts of Action]. *Sociological Review*, vol. 7, no 1, pp. 3-24.
13. Kuzminov Ya. I., Ovcharova L. N., Yakobson L. I. 2016. "Chelovecheskiy kapital kak faktor sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya" [Human Capital as a Factor of Economic and Social Development]. Annual report about the social policy. Abridged version of the paper presented at the XVII April International Academic Conference on Economic and Social Development (Moscow, April 19-22). Moscow: Higher School of Economy.
14. Marsh P. 2015. *Novaya promyshlennaya revolyutsiya. Potrebiteli, globalizatsiya i konets massovogo proizvodstva* [The New Industrial Revolution. Consumers, Globalization, and the End of Mass Production]. Translated from English by A. Sholomitskaya. Moscow: Gaydar Institute, Series: "Strategii ekonomicheskogo razvitiya" under the Ministry of the Economic development of the Russian Federation.
15. Marx K. 1974. "Ekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 goda" [The Economic and Philosophic Manuscripts of 1844]. In: Marx K., Engels F. 1974 (1958). *Polnoye sobraniye sochineniy*, vol. 42, pp. 41-174. Moscow: Gos. izd. polit. lit.
16. National Research University Higher School of Economics. "Rossiyskiy monitoring ekonomicheskogo polozheniya i zdorovya naseleniya NIU VShE" [Russian Longitudinal Monitoring Survey — HSE]. <http://www.hse.ru/rlms>
17. *Novaya gazeta*. 2016. "Virtuoznaya spekulyatsiya. Prodolzhenie 'Panamskogo dosye'. Kak ofshory zarabotali sotni millionov rubley na torgovle aktsiyami banka 'Rossiya', a gosudarstvo — poteryalo milliardy" [Virtuoso Speculation. Continuation of the "Panama Dossier". How Offshore Companies Earned Hundreds of Millions of Rubles for Trading in the Shares of the "Russia" Bank, While the State Lost Billions]. *Novaya gazeta*, May 28.
18. Ovcharova L., Pishnyak A., Popova D., Shepeleva E. 2013. "Ot standarta vyzhivaniya k otvetstvennomu vyboru" [From the Survival Standard to Responsible Choice]. *Pro et Contra*, no 6, pp. 6-35.
19. Parsons T. 1997. *Sistema sovremennykh obshchestv* [The System of Modern Societies]. Translated from English by L. A. Sedov and A. D. Kovalev; edited by M. S. Kovaleva. Moscow: Aspekt Press.
20. Polanyi K. 2006. "Semantika ispolzovaniya deneg" [The Semantics of Using Money]. In: Nureev P. M. (ed.). 2006. "Velikaya transformatsiya" Karla Polan'i: proshloe, nastoyashchee, budushchee, pp. 156-172. Moscow: Higher School of Economics.
21. RBK. 2015. "Sovetnik Putina predlozhit zapustit pechatnyy stanok" [Putin's Adviser Suggested to Start the Printing Press]. RBK, October 21.
22. RF Federal State Statistics Service. 2015. *Dokhody, raskhody i potrebleniye domashnikh khozyaystv v IV kvartale 2014 goda (2015) (po itogam vyborochnogo obsledovaniya byudzhetrov domashnikh khozyaystv)* [Income, Expenditure and Consumption of Households in the IV Quarter Of 2014 (2015) (Based on a Sample Survey of Household Budgets)]. Moscow: RF Federal State Statistics Service.
23. RF Federal State Statistics Service. 2016. *Dokhody, raskhody i potrebleniye domashnikh khozyaystv v IV kvartale 2015 goda (2016) (po itogam vyborochnogo obsledovaniya*

- byudzhetrov domashnikh khozyaystv) [Income, Expenditure and Consumption of Households in the IV Quarter Of 2015 (2016) (Based on a Sample Survey of Household Budgets)]. Moscow: RF Federal State Statistics Service.
24. Shutz A. 2003. Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii [The Semantic Structure of the Everyday World: Essays on Phenomenological Sociology]. Translated from English by A. Ya. Alkhasov, N. Ya. Mazlumyanovya; edited by G. S. Batygin. Moscow: Institut Fonda Obshchestvennoe mnenie.
 25. Simiand F. 1934. "La Monnaie, realite sociale". *Annales Sociologiques*. Ser. D, pp. 1-86.
 26. Telekanal Dozhd. "'Deneg net, no vy derzhites' (23 maya 2016) Dmitriy Medvedev otvechaet na vopros o pensiyakh" ["There is No Money, but You Hold On" May 23, 2016. Dmitry Medvedev Responds to the Question about Pensions]. https://tvrain.ru/articles/deneg_net_no_vy_derzhites-409924
 27. Tett J. 2016. "'Panamskoe dosye' mozhet yavit' nam istinnuyu kartinu mirovykh finansov" ["Panama Dossier" Can Show Us a True Picture of the World of Finance] *Financial Times*, May 10.
 28. Veblen T. 1984. *Teoriya prazdnogo klassa: ekonomicheskoe issledovanie institutsiy* [The Theory of the Leisure Class: An Economic Study of Institutions]. Translated from English; introduction by S. G. Sorokina; edited by V. V. Motylev. Moscow: Progress.
 29. Voslenskiy M. S. 1991. *Nomenklatura. Gospodstvuyushchiy klass Sovetskogo Soyuz* [Nomenclature. The Ruling Class of the Soviet Union]. Moscow: Sovetskaya Rossiya, Oktyabr.
 30. Weber M. 1923. *Istoriya khozyaystva. Ocherk vseobshchey sotsialnoy i ekonomicheskoy istorii* [The History of Farming. The Outline of General Social and Economic History]. Petrograd: Nauka i shkola.
 31. Weber M. 1990. "Protestantskaya etika i dukh kapitalizma" [The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism]. In: Weber M. 1990. *Izbrannye proizvedeniya*, pp. 61-272. Moscow: Progress.
 32. Weber M. 2004. "Sotsiologicheskie kategorii ekonomicheskogo deystviya. Khozyaystvo i obshchestvo (gl. II)" [The Sociological Category of Economic Activities. Economy and Society (Chapter II)]. In: Radaev V. V. (comp.-ed.). 2004. *Zapadnaya ekonomicheskaya sotsiologiya: khrestomatiya sovremennoy klassiki*. Translated by M. S. Dobryakovaya et al, pp. 59-81. Moscow: ROSSPEN
 33. Zarubina N. N. 2005. *Dengi kak sotsiokulturnyy fenomen: predely funktsionalnosti* [Money as a Social and Cultural Phenomenon: The Limits of Functionality]. *Sociological Studies*, no 7, pp. 13-21.
 34. Zimmel G. 1999. "Filosofiya deneg" [Money Philosophy]. In: Filippova A. F. 1999. *Teoriya obshchestva. Sbornik*. Translated from German, pp. 125-153. Moscow: KANON-press.